

Виталий ЕРЁМИН

ражданин орода

бестселлер для чиновников
и патриотов малой родины

Москва
2017

УДК 3
ББК 6/8
Е 702

Художник
Алексей Кузьмин

Еремин В.А.

Е 702 Гражданин города. — М. 2017. 168 с.

Книга может стать подспорьем для градоначальников и — настольной для начинающих мэров. Прочтя ее, новоизбранный глава получит четкое представление, как относиться к своей работе, как работать с населением и руководить своими подчиненными, как развивать город, опираясь на местный патриотизм жителей.

В более широком плане, книга адресована всем муниципальным чиновникам. Вероятно, впервые работа управленцев рассматривается с исторической, психологической и других точек зрения. Показывается как российский, так и западный опыт ведения городских дел.

В ещё более широком плане книгу эту полезно прочесть всем, кому небезразлично состояние родного города, кто хотел бы что-то сделать для своей «малой родины».

УДК 3
ББК 6/8

Содержание

Начальники народа	5
Корифей чиновничества	10
Местное самоуправление	16
Новая метла	24
Мэр — это стиль	38
Творческий город	48
Оппозиция	59
Гражданское общество	64
Поддержите женщину	76
Школа, воспитание	82
Культура	88
Коррупция	93
О, эти наши законы!	102
Чистота	108
Местная полиция	116
Квартирный вопрос	120
Муниципальные «атланты»	127
Дауншифтеры, или «ушельцы»	134
Настоящее лицо страны	144
Два взгляда (<i>приложение</i>)	146

НАЧАЛЬНИКИ НАРОДА

Идеал карьеры

Начальники народа — так чиновники называются в Библии. Профессия древнейшая и важнейшая.

Даже от центральной власти наша жизнь меньше зависит, чем от администраторов на местах.

А. Пушкин, однако, сетовал на то, что «чины сделались страстью в России». А русские демократы в XIX веке едко критиковали тех русских матерей, для которых идеалом мужчины был чиновник в мундире.

Но и сегодня, по опросам, половина школьников ставят профессию чиновника на одно из первых мест.

Мундиров уже нет, но сохранилось то, что было раньше — нехилое жалованье. Средняя зарплата чиновника в три раза выше средней зарплаты по стране. Не в этом ли дело?

Чтобы получить начальное чиновничье образование на годичных курсах в Санкт-Петербурге, нужно заплатить 100 тысяч рублей. Но эта сумма не пугает желающих — расходы потом вернутся.

«Ваше сковородие»

Из Положения о земских участковых начальниках 1898 года: «Должности Земского Начальника присваивается особый знак и печать. Знак носится Земскими Начальниками на шее, сверх одежды, и состоит из бронзовой позолоченной цепи, с прикрепленным к ней металлическим позолоченным кружком, на лицевой стороне которого помещаются изображение Государственного герба и вокруг оного надпись: «Земский Начальник», а на оборотной стороне надпись, указывающая на день Высочайшего утверждения сего Положения. На печати находится изображение государственного герба, в малом виде, по установленному для уездных мест образцу, с надписью под оным: «Земского Начальника такого-то участка такого-то уезда».

На должности Земских Участковых Начальников могут быть назначаемы:

1. Лица, прослужившие в губернии не менее трёх лет в должности Предводителя дворянства.
2. Местные и потомственные дворяне, которые имеют не менее двадцати пяти лет от роду и окончили курс в одном из высших учебных заведений Империи или выдержали соответственно испытание, или же прослужили в губернии не менее трёх лет в одной из следующих должностей: Мирowego Посредника, Мирowego Судьи, Непременного Члена Присутствия по крестьянским делам или Земского Начальника».

Для справки

В начале XX века губернатор получал до 8 тысяч рублей в год. Его высокоблагородие (дразнилка — «ваше сковородие») городской голова — около 500 рублей в месяц, городские чиновники — от 60 до 150 рублей в месяц.

В то же время средняя месячная зарплата рабочего была около 22,5 рублей в месяц, а кухарка зарабатывала 5 рублей.

Килограмм мяса тогда стоил 40–50 копеек, ботинки — 3 рубля, драповое пальто — 15 рублей, карманные часы — 6–10 рублей, граммофон — 50 рублей, автомашина «Ford» — 2 500 рублей.

Наша противоречивость

Выдающийся русский чиновник Михаил Сперанский писал: «Одно из главных правил управляющих лиц должно знать свой народ, знать время».

Действительно, для того, чтобы грамотно управлять нами, простыми смертными, чиновники должны хорошо знать нашу психологию. Должны, по В. Ключевскому, «понимать, что делается с народом, что откуда у него пошло, как идет и к чему придет».

Всю советскую эпоху мы считали себя коллективистами, но при этом удивлялись, отчего у нас плохо получаются хорошие колхозы. Только сегодня становится понятно, что более ярых индивидуалистов, чем мы, надо еще поискать. Повсеместное подтверждение тому — высоченные заборы, которых нет нигде в мире.

Психологи считают, что нам свойственно «подсознательное несамостоявание». Мол, оттого и социализм рассыпался в считанные дни. Но уважаем ли мы жизнь сегодняшнюю?

Во времена СССР была хотя бы временная вера в лучшее будущее. А сейчас у какой-то части «наших людей» и этой временной нет. Кризис веры. Чтобы восстановить веру в свое будущее, нужно изменить что-то в себе. А это самое трудное. Нет ничего труднее.

Хорошо ли там, где мы живем?

А. Пушкину упорно приписывают слова: «Родина там, где мне хорошо». Это, скорее всего, спекуляция на имени поэта. Куда более точно известно, что принадлежат ему совсем другие по смыслу слова: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков».

Но обратим внимание на слово «родина». Во времена поэта оно означало место рождения и связанные с этим чувства. И только. Сегодня слово это наполнено совсем другим смыслом. Тем, которое выражали в эпоху Пушкина словом «отечество».

Если уж следовать правде, то выражение *ubi bene ibi patria* (где хорошо, там и родина) употреблялось в одной пьесе еще в Древнем Риме. Но, как известно, римляне считали хорошим тоном сдирать афоризмы у древних греков. Позаимствовали и это выражение. Но у драматурга Аристофана оно звучало иначе: «Родина — всякая страна, где человеку хорошо». И слова эти в комедии «Плутус» (что в переводе с древнегреческого означает «богатство») произносил не очень положительный персонаж.

И, тем не менее, всем ли нам хорошо там, где мы родились и где живем? Не в многоэтажном, а даже в своем доме человек годами не обращает внимания на покосившийся забор. Как это понимать?

Жизнь в неухоженном доме должна, казалось бы, вызывать постоянную депрессию. Но как-то живем, и никаких комплексов. А может, они, эти комплексы, в подсознании?

Самое сильное наше чувство

Самое сильное наше чувство — жажда самоуважения, признания наших способностей. И в самом деле: ведь один раз приходим мы в этот удивительный мир. Как же можно уйти из него без чувства, что состоялся в прожитой жизни? Как не осуществить себя в течение отпущенного природой срока?

Сколько у нас людей нереализованных по собственному неумению или по стечению неблагоприятных обстоятельств? Тьма. И особенно много их в малых городах, где, конечно же, меньше возможностей для самореализации.

Но какая связь между тем, что представляют собой наши малые города и самореализацией живущих там людей? Самая прямая. Город может по-настоящему развиваться только при участии множества горожан. Одних усилий местной власти и чиновников мало.

КОРИФЕИ ЧИНОВНИЧЕСТВА

М. Сперанский

Было бы несправедливо писать о чиновниках и забыть М. Сперанского. И без того образец русской бюрократии вспоминается у нас крайне редко. А ведь то был чиновник и творец законов от Бога.

Самый удивительный вельможа царских времен, выходец из Владимирской глубинки, он за считанные годы вырос из малозначимого канцелярского работника в первого советника царя Александра I, был простолюдином — стал графом. Но, грубо говоря, не заелся, каждый свой день рождения спал на сундуке, завернувшись в старенький тулупчик. Не давал себе забыть, откуда он вышел.

Чиновников обычно считают людьми беспринципными и чуждыми высокой морали, но не таков Сперанский. Оставшись вдовцом в 28 лет, он так до самой смерти своей и не женился, дабы не исковеркать отношений с любимой дочерью. Хотя породниться с ним готовы были самые высокородные семейства России. Принято считать, что на «государеву службу» отмеченные каким-то талантом люди не идут. Зачем им терпеть унижения и все делать под копирку и по ранжиру,

если есть возможность проявить себя в другой профессии. Тут был совсем другой случай. Михаил Михайлович мог бы стать и выдающимся юристом, и философом, и писателем. Но так сложилась судьба. Приметили на самом верху.

Екатерина II писала: «Когда мне...случалось встретить умного человека, во мне тотчас рождалось горячее желание видеть его употребленным ко благу страны». Императрица, как известно, даже любовников выбирала, способных к государственной деятельности. Эта ее особенность передалась внуку. Приметив Сперанского, Александр I тут же «употребил» его для своих планов преобразования власти в России.

Какой бюрократ будет корпеть над бумагами по 18 часов в сутки? Только бюрократ-романтик, коим и был Сперанский. А как еще его назвать, если он свято верил, что молодой царь использует «самовластие для обуздания самовластия». Не случайно современники отмечали у Сперанского «возвышенность ума и сердца».

Нельзя сказать, что Михаил Михайлович, сам еще в ту пору молодой человек, идеализировал Александра. Заняв трон, тот действительно хотел превзойти бабку в преобразованиях.

Первым делом Сперанский предложил очистить чиновничество от невежд и установить для поступления на службу образовательный ценз. Царь, не раздумывая, подмахнул этот закон. Потом Сперанский предложил децентрализовать власть и ввести местное самоуправление в волостях и в уездах, разрешить там местные законы и суды, в том числе суды присяжных, соблюдать гласность судопроизводства и выборность судей. Ничего этого тогда в Европе еще не было. Похоже, только Наполеон понял, какого статс-секретаря завел себе Александр I, и предложил за Сперанского «какое-нибудь королевство».

Именно по предложению Сперанского произошла и реформа высшей государственной власти. Госдума—Сенат—министерства. И все три ветви власти сходились теперь к Государственному совету и престолу.

«Мне бы треть его ума, и я стал бы великим человеком»,— сказал о нем Аракчеев. А Наполеон называл Сперанского «единственной светлой головой в России».

На пике своей карьеры, в 1809 году, Сперанский обедал в обществе царской семьи 77 раз. Но уже в следующем году—ни разу. Предложенный им закон о налогообложении дворянства не прошел ему даром. Сказалась и склонность Александра I считать интриганов более полезными, чем честных людей. К тому же Сперанский был единственным из вельмож, кто смел возражать императору, зная, что может разом потерять все. И, в конце концов, все же потерял—был обвинен в государственной измене и отправлен в ссылку.

После победы над Наполеоном он был почти прощен, но при этом отправлен в Сибирь, правда, не ссылкой, а генерал-губернатором. А Сибирь в ту пору была территорией, где не было ни закона, ни сколько-нибудь упорядоченной системы управления. Условием возвращения Сперанского в Петербург было наведение порядка. Сперанский справился с этой задачей. А сверх того сделал так, что сибиряки не стали крепостными.

Он успел еще послужить царю до его кончины. А потом, после восстания 1825 года, попал под подозрение в связях с декабристами и целый ряд лет соединял участие в большой политике со страхом в любой момент быть отправленным Николаем I в Петропавловскую крепость.

Но нам интересны не перипетии удивительной судьбы Сперанского, а его заветы. Некоторые из них небесспорны.

Он, например, считал, что в чиновничьих ошибках и даже злоупотреблениях «виновны не люди, а установления». То есть законы и циркуляры первичны, а их исполнители — чиновники, вторичны. Хотя примером собственной карьеры указывал как раз на обратное. Какими бы несовершенными не были порядки чиновничьей службы, они не склонили его ни ко взяточничеству, ни к каким-то другим злоупотреблениям.

А вот что писал он о государственной службе: «Должен быть особенный класс людей, который бы, став между престолом и народом, был довольно просвещен, чтоб знать точные пределы власти, довольно независим, чтоб не бояться, и столько в пользах своих соединен с пользами народа, чтоб никогда не найти выгод своих изменить ему».

Эти слова, выведенные рукой настоящего государственника, так и просятся стать девизом сегодняшнего нашего чиновничества.

С. Витте

А вот еще один эталон чиновника. Тоже (закономерность?) объект интриг и клеветы. Министр финансов Российской империи, Председатель кабинета министров граф Сергей Юльевич Витте. За 11 лет его управления Россия выбралась из затяжного кризиса, опередила в темпах развития Англию и Францию, ввела золотой рубль, устремилась вперед на всех парах, как паровоз, тем более, что сам граф построил в России тысячи километров железных дорог.

Если бы Витте оставался во главе правительства России в течение следующего десятилетия, то история наша была бы совсем иной: не было бы у нас никакого «Великого Октября». Но его «ушли» по той же причине, что и Сперанского. И он

тоже, вроде свой в доску, был чужим, ставил интересы государства выше заблуждений его величества.

О нем писали: «Он не был ни царедворцем, льстящим трону, ни демагогом, льстящим толпе. Принадлежа к дворянству, не защищал дворянских привилегий. Не был либералом, стремящимся нетерпеливо переустроить сразу весь государственный уклад. Не был консерватором, презирая отсталость политической мысли».

— Кто же вы? — спросили его однажды.

— Просто культурный человек. Человек культурный стремится к свободе, регулируемой правом и этим правом обеспечиваемой. Ибо беззаконие и произвол парализуют жизненный нерв прогресса.

Современники вспоминали о нем: «У него были враги во всех лагерях. При дворе, среди консерваторов, у либералов, в демократических кругах — всюду на графа Витте смотрели как на человека «чужого».

Наверно, это своеобразный критерий, по которому можно определить достоинство настоящего чиновника. Если он, будучи своим во власти (иначе бы не взяли), временами вызывает впечатление, что он чужой.

Мемуары свои Витте хранил в банке за границей, на имя жены.

После его смерти чиновник русского посольства в Париже учинил обыск на его вилле. Искал рукопись мемуаров.

Чего боялся Николай II, можно понять, читая в воспоминаниях Витте такие строки: «Наши порядки обладают такими специфическими, необычными в цивилизованных странах свойствами, что немного иностранцев пожелают иметь с нами дело. Если бы не делалось во время моего управления финансами массы затруднений иностранным капиталистам,

то иностранные капиталы пришли бы в гораздо большем количестве».

Или такие:

«Большинство наших дворян представляет собой кучку дегенератов, которые, кроме своих личных интересов и удовлетворения личных похотей, ничего не признают, а потому и направляют все усилия на получение тех или иных милостей за счёт народных денег, взыскиваемых с обедневшего русского народа для государственного блага...»

Или такие:

«В конце XIX— начале XX веков нельзя вести политику Средневековья, когда народ делается, по крайней мере, в части своей, сознательным, невозможно вести политику несправедливого поощрения привилегированного меньшинства за счёт большинства. Правители, которые этого не понимают, готовят революцию, которая взрывается при первом же случае. Вся наша революция произошла оттого, что правители не понимали и не понимают той истины, что общество, народ движется. Правительство обязано регулировать это движение и держать его в берегах, а если оно этого не делает, а прямо грубо загораживает путь, то происходит революционный потоп...»

Актуально читается, не правда ли?

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Наше земство

Местное самоуправление дается нам с трудом, идет туго. Но иначе и быть не может, если учесть нашу историю.

Самые характерные приметы городского самоуправления проявились на Руси в городах-республиках Новгороде и Пскове. Что такое вече, если не всеобщий городской парламент? Как ни крути, демократами были наши предки! И как же иначе могла бы сложиться наша дальнейшая история, но — не судьба...

Теперь, что касается непосредственно земства. Как утверждают историки, земское управление зародилось у нас в середине XVI века. То есть до самодержавия Ивана Грозного. Но! Царь, утопивший в крови Новгородскую республику, как ни странно, провел позже первую земскую реформу, направленную на развитие местного самоуправления.

Именно при Иване Грозном, под воздействием земских принципов управления территориями, возник общенациональный представительный орган власти — Земский собор. Тот, который объединил во время Великой смуты народ против польско-шведской интервенции. И тот Собор, который избрал

на престол первого из Романовых — Михаила Федоровича. Не случайно именно в его царствование Земские соборы созывались особенно часто. Царь чувствовал свою зависимость от Собора, считался с ним.

Но ко времени восшествия на трон Петра I представительная власть, не успев укрепиться, ослабла, чем царь и воспользовался, заменив Собор Сенатом, опередив, между прочим, американцев в подражании Древнему Риму. Представительная власть превратилась в законодательную, точнее, в ее видимость. Как известно, основные законы принимались Сенатом не самостоятельно, а под диктовку царя.

Небольшое отступление

В 1775 году Екатерина подписала указ «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». Число губерний было удвоено и достигло пятидесяти.

Деление страны на губернии осуществлялось только по численности населения. На территории губернии стало проживать около четырехсот тысяч душ, на территории уезда — около тридцати тысяч.

Руководство несколькими губерниями (сейчас — федеральные округа) поручалось генерал-губернатору.

Город делился на части и кварталы по числу зданий. В части главой полицейского управления был частный пристав, в квартале — квартальный надзиратель. Все полицейские чины вписывались в систему «Табели о рангах». Руководство полицией возлагалось на губернские власти: губернское правление решало все вопросы о назначении и смещении полицейских должностей. Сенат контролировал полицейское управление только в столицах.

Земство — пешеход с гирями на ногах

В своем прерванном виде земство стало возрождаться только при Александре II. Право на местное самоуправление предки наши получили в виде царской милости. Европейцы это право завоевывали и выторговывали сотни лет. Мы же превратились из крепостных в вольных граждан, считай, в одночасье. «Рулите!» — как бы сказал царь-освободитель. А как можно рулить после стольких веков рабства?

И все же получалось, начиная с 1864 года. Строили дороги, школы, фельдшерские пункты. Но уже в 1881 году самый большой сторонник земства Салтыков-Щедрин превратился в желчного пессимиста.

Развитию территорий мешала скудость местных бюджетов. Самостоятельность земств всячески ущемлялась. «Земство — это пешеход с пудовыми гирями на ногах, человек совершенно-летний на бумаге, а на деле — отданный под бессрочный надзор квартального», — писал Г. Данилевский.

Но давайте здесь приостановимся. Вот любопытные цифры: во времена Александра II 20% местных налогов шли в царскую казну, 20% — в казну губернии, а 60% оставались земству. Больше, чем сегодня. И все равно не хватало.

Сегодня 20% идет региону, а местному самоуправлению остается всего 10%. Правда, часть 70% местных налогов, управляемых в федеральный бюджет, потом возвращается в виде субвенций, но что собой представляет эта часть? Сумма часто варьируется и зависит порой, с какой ноги встал сегодня тот или иной губернский чиновник.

Будут ли получены какие-то субвенции, зависит от пробивных способностей мэра, от его умения подлаживать и выпрашивать, и еще великого множества причин. Какой же тогда

мэр— глава самоуправления, если он никогда не знает точно, сколько денег получит его город? Как может он что-то планировать? Как может что-то обещать своим избирателям и выполнять обещанное?

Примерно такими же «попрошайками» чувствовали себя земские деятели и при царях. В конце концов поняли они, что народное самоуправление не может все время стоять с протянутой рукой. И выдвинули очень логичное предложение— добавить в государственный механизм тот винт, которого ему недостает— Всероссийский Земский Совет.

И могучий Александр III испугался. Ведь так земцы сами будут решать сколько денег им себе оставлять, а сколько отправлять в его государеву казну. Проект был отвергнут, а земцы с тех пор попали в разряд элементов с вредным образом мыслей.

Только после начала Первой мировой войны Всероссийский земский союз был, наконец, создан. Николай II не стал, не мог противиться. Нужно было создать сотни госпиталей, привлечь к уходу за ранеными тысячи добровольцев, мобилизовать для нужд фронта провинциальных кустарей, а главное— освободить дух людей. Земство, с его энтузиастами из народных низов, было как нельзя кстати.

Земство было далеко от идеала

Но были у земства и неприглядные стороны. Вот что можно прочесть у С. Витте:

«Земство устанавливает сборы без всякого влияния правительства. Оно может обложить землепашца свыше его сил, и к сему нет тормозов.

Что касается мирских сборов, собираемых с крестьян, которые в последние годы неизмеримо растут, то тут полнейший

произвол. Эти налоги совсем ушли не только от государственной власти, но даже от государственного сведения.

Крестьян секут по усмотрению волостных судов, руководимых отребьем крестьянства. Если губернатор высечет крестьянина, то его будут судить, а если крестьянина выдерут по каверзе волостного суда, то это так и быть надлежит. Крестьянин — раб своих односельчан и сельского управления».

Эти строки требуют расшифровки. Земскими начальниками были малообразованные местные дворяне-помещики. В большинстве своем чудовищно ленивые, они перепоручали свои обязанности еще более неграмотным чиновникам из крестьян. А обязанности были (вот ужас!) не только административные, но и судебные... Эту дикость признавали даже приближенные Александра III, но не могли переубедить самодержца.

... Летом 1917 года, уже при Временном правительстве, было учреждено недостающее звено земства на уровне волостей. Именно в волостях прошла самая важная часть подготовки к выборам во Всероссийское Учредительное собрание. Земцы — ставленники власти были потеснены земцами-избранниками народа.

Но в июле 1918 года большевики сказали им: «Кончилось ваше время!»

... И все же отдадим должное Советам. Более народной власти (хорошая она или плохая — это другой вопрос) у нас не было. При всей заикленности на классовой борьбе и политической жестокости, своей борьбой с неграмотностью, бедностью и болезнями Советы продолжили главную идею земства — поднимать цивилизованность русской народной жизни.

«Положение хуже губернаторского»

Происхождение этого выражения до сих пор остается неясным. Есть разные версии. Одну из них предлагает публицист Р. Сементовский в своем очерке «Силуэты администраторов», изданном аж в конце XIX века, но не потерявшим за давностью лет своей злободневности.

Автор объясняет, почему в России плохо с местным самоуправлением, устами генерал-губернатора Саратовской области: «В Англии местные власти не получают никаких инструкций сверху, а действуют... совершенно самостоятельно. А местные власти там кто? Люди, которые в течение многих поколений воспитывались к общественной службе, самим обществом дисциплинированы в ней. А наши помещики? Спору нет, есть между ними достойнейшие люди, а в общем? И со своим-то хозяйством плохо справляются, а с уездными и губернскими— и подавно. Со временем и у нас может сложиться настоящий selfgovernment, но пока... Пока вот какое получается положение: с одной стороны, так сказать, либеральные влияния, самодеятельность, самоуправление и т. д. а с другой— как будто все расплзается, не клеится, расшатывается, да и прежний человек в новом облачении дает себя чувствовать со всеми его самодурствами, халатностью, склонностью ко всяким злоупотреблениям. Виден он, этот прежний человек, на всяком шагу, и нужна ему узда, что вы там ни говорите! Претит самому от этих слов, но уж что правда, то правда».

Вот, оказывается, в чем трудность губернаторского положения. И что же делать? Автор предлагает вспомнить, что в «Мертвых душах» великий Н. Гоголь дал не только сатирические портреты русских помещиков, но и вполне приличный образ генерал-губернатора, призывавшего всех, у кого «еще

есть в груди русское сердце и кому понятно сколько-нибудь слово «благородство», встать против неправды, потому что иначе все будет безуспешно...»

Генерал-губернатор пером Н. Гоголя взывал: «Оставим в стороне, кто больше виноват, дело в том, что пришло время спасти нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих».

Как тут не вспомнить слова Пушкина: «Правительство у нас — один европеец». По этой логике, не все губернаторы были казнокрадами и бездельниками. Можно не сомневаться, что были и среди них европейцы по реформаторскому духу. Не в этом ли была трудность их положения?

Европейский средневековый город

А в странах Запада местное самоуправление, наоборот, работает сегодня, как часики. И этому тоже есть свое объяснение.

Городское самоуправление возникло в странах Западной Европы тысячу лет назад. Аж в XI веке. Крепостные крестьяне договаривались со своими феодалами-сеньорами, что будут платить им выкуп, и уходили в города, где становились ремесленниками и отчасти продолжали крестьянский образ жизни. Мелкий скот пасся прямо на улицах.

А те, кто не смог договориться со своими господами, сбегали. Опять-таки в города. Тот, кого феодал не успевал найти в течение года и одного дня, по закону становился свободным горожанином. В то время сложилась поговорка: «Городской воздух делает нас свободными».

То есть проще было договориться с беглецом, чем искать его с риском не найти в течение года и таким образом потерять выкуп. Но кто издал закон, потворствующий беглым крестьянам?

Большие феодалы, на чьей земле стояли города. Это была их прямая экономическая выгода.

Ремесленники в городах объединялись в цеха и чувствовали себя силой. Каждый цех выступал, в случае войны, отдельной боевой единицей. Поэтому городским богачам (патрициату) трудно было чересчур разгуляться. И феодалу эта система «сдержек и противовесов» была выгодна.

Но нередко случалось, что патрициат объединялся с ремесленниками против феодала, если тот требовал слишком многого. Это объединение как раз и было первым шагом к самоуправлению. Конфликтующим сторонам удавалось договориться. Самоуправление (городские вольности) элементарно покупалось за большую сумму.

Но при этом сеньоры не полностью теряли власть над городами, чтобы выгодно продавать горожанам еще какие-то привилегии и свободы. В городах сохранялись две параллельные системы сбора налогов. Одна в пользу феодала, другая — в пользу граждан. Что характерно — неимущие граждане освобождались от уплаты налогов.

То есть городское самоуправление сложилось в борьбе и сделках.

Так возникли самоуправляющиеся города, или коммуны. Так появились народные собрания, или парламенты. Так появились главы городов — мэры и бургомистры.

Городская община в англосаксонском мире сыграла колоссальную историческую роль. Собрания проводились по любому поводу. Так вырабатывалось умение выражать свои мысли, подавать идеи, высказываться корректно, не перебивая других, обсуждать проблемы задолго до того, как они вставали перед членами общины в полный рост.

НОВАЯ МЕТЛА

Средние способности — это норма

У руля должны стоять лучшие. На любом уровне власти. И с этим не поспоришь. Это и естественно и необходимо. Но нередко бывает и наоборот. Почему? Лучшие не идут во власть, потому что она им не нужна? Тогда почему не нужна? Но может быть не нужна такая власть, какая есть?.. Есть над чем подумать.

Кто только у нас не устремляется в мэры! И кто только мэрами не становится! А чего не попытаться, если закон разрешает? Дело кандидата — предложить себя, дело избирателя — избрать или не избрать. Среди избранных до сих пор попадают избранцы, то есть полные бестолочи или проходимцы. Но это не значит, что выборы надо отменить. Не лучше ли дать народу время, чтобы он научился выбирать.

Административный талант — такая же редкость, как и любой другой. Так что давайте исходить из средних человеческих возможностей. Тем более, что у нас даже на самый верх нет-нет да и пробираются избранцы.

Средние способности были свойственны даже самым великим нашим правителям. Вот что писал о Екатерине II историк В. Ключевский: «У нее вообще не было никакой выдающейся

способности, одного господствующего таланта... Но у нее был один счастливый дар: памятьливость, наблюдательность, догадливость, чутье положения, умение быстро схватить и обобщить все наличные данные, чтобы вовремя принять решение... Ее трудно было застать врасплох, и при умении собираться с мыслями она быстро соображала, что от нее требует минута... Наперекор общей склонности замечать чужие слабости, чтоб ими пользоваться, Екатерина думала, что если нуждаешься в других, то полезнее изучать их сильные стороны, на которые надежнее можно опереться... В обращении она старалась не блистать разговором, чтобы не мешать высказаться собеседнику... Так, вместе со знанием людей, Екатерина выработала в себе и лучшее средство приобретать их — внимание к человеку.

Мы еще вернемся к выделенным курсивом словам и приведем другие строки из характеристики В. Ключевского, а пока скажем еще раз: не боги горшки обжигают, мэром вправе стать практически любой человек, если только у него есть счастливый дар — стремление послужить родному городу и своим землякам.

Предвыборные закономерности

Считается, что чем раньше кандидат объявит о своем намерении баллотироваться в мэры, тем хуже для него самого. Правило это не относится только к бывшему мэру. У него, даже самого никудышного, по странной закономерности всегда в кармане почти 20 процентов голосов его «устойчивого электората». Плюс прикормленные муниципальные СМИ. Плюс доморощенная «бизнес-элита», с которой отлажены взаимовыгодные отношения. А значит, дополнительные средства на избирательную кампанию.

В этом наша российская странность. Даже самому сильному кандидату трудно выиграть выборы у никудышного предыдущего мэра, в особенности, если он демагог и что-то делает для «лидеров местного общественного мнения», муниципальной «элиты», то есть для своего электората. А таких прохиндеев развелось немало.

Самому способному кандидату труднее, потому что те, кто послабее, объединяются, чтобы свалить его. Ведь он — главный конкурент, которому все они могут проиграть. Но, как правило, если им и удастся свалить его, проходит не кто-то из них, а остается старый, уже доказавший свою непригодность мэра.

От нападков со всех сторон рейтинг основного соперника только растет. Но срабатывает и психологическая закономерность: своими наскоками, попытками вылить ушат компромата мелкие соперники только дискредитируют себя, отчего сильный кандидат становится еще сильнее.

По-настоящему сильный кандидат обычно не позволяет себе дешевого популизма. Он понимает, что нашего избирателя на эту наживку не возьмешь. И он понимает также, что слишком много обещать и вызывать завышенные ожидания — себе дороже. Можно достичь ближайшей цели — выиграть выборы, но отрезать себе путь к перспективе — проиграть дальнейшую карьеру.

Сам себе имиджмейкер

Пушино — город ученых: биологов и астрофизиков. Клонировать телят здесь научились раньше, чем в Англии — овец. И первая в мире искусственная кровь (как коммерческий препарат), и искусственная кожа появились здесь. Да разве перечислить все, что изобретается в девяти научно-исследовательских институтах!

Строго говоря, мэру полагалось быть под стать городу, о котором знает весь мир. Как минимум, кандидатом наук с беглым английским. Но мэром стал «сантехник» — бывший глава коммунальной службы Анатолий Афанаскин.

Незадолго до выборов он сказал о своих соперниках:

— У них — деньги, а у меня — репутация. Они оклеят весь город плакатами, будут агитировать на каждом углу. А я поеду на охоту. Я за себя сагитировал, еще когда руководил УЖКХ.

Его слова звучали, как бахвальство. Местные аналитики были уверены, что сесть в кресло мэра для него все равно, что влезть на намыленный столб. Но он сел. Благодаря чему?

Сантехники при нем ходили по городу в спецовках, мало отличаясь от научных сотрудников в лабораториях, и отмаживались от чаевых: «Нам запрещено». Боялись вылететь с хорошо оплачиваемой работы.

Сантехники, дворники и других рабочие и служащие УЖКХ получали больше, чем некоторые сотрудники администрации города. Афанаскин всюю раскручивал хозрасчетные возможности своей конторы. Коммунальщики зарабатывали на бане, на теплице, на питомнике, и даже на кладбище.

Рано утром он обходил или объезжал Пущино. И не дай бог, если замечал где-нибудь мусор или другой непорядок. Коммунальщики работали у него безропотно и по субботам. Но и он вместе с ними!

Есть у имиджмейкеров технология, называется «от сердца к сердцу». Афанаскин, ничего об этой технологии не зная, придумал свою, ничуть не менее эффективную. Он помогал конкретному человеку с помощью людей, которым тоже когда-то в чем-то помог и которые с тех пор считают его «своим». То есть выручал не только «нужных» людей, не из какого-то расчета, а всех, кто к нему обращался. И во время избира-

тельной кампании получилось так, что люди, которые раньше никак не были ему нужны, стали ему помогать. По собственному желанию.

В моде верность обещаниям

Есть кандидаты в мэры, которые искренне хотят служить родному городу и о дальнейшей карьере не мечтают. Но им тем более нужно оправдать ожидания земляков. Между прочим, стремление выполнить все предвыборные обещания давно уже стало своего рода хорошей модой в Европе и США. Именно с этим имиджем, надо признать, закончил свою карьеру президент Клинтон. Все меньше пустых посулов и в нашей избирательной системе. И это вполне объяснимо. Нынешние поколения людей уже не проведешь. Их политическое сознание становится все более зрелым, бдительным и не прощающим. Старое выражение «Честность — лучшая политика» звучит сегодня уже не так идеалистически, как раньше.

Охота за голосами

Но остается агитация кандидата в свою пользу — пресловутая «охота за голосами». И эта часть политической игры под названием «выборы» не только не нуждается в отмене. Она необходима.

Чего люди хотят от своих избранников? Прежде всего, перемен и улучшений, которые делали бы их жизнь удобней, комфортней, красивей. Люди обычно не жалуются на то, что их город имеет примерно то же лицо, что и 50 лет назад. Хотя им это однообразие облика порядком надоедает. Однообразие утомляет на подсознательном уровне.

Поэтому кандидату вовсе не обязательно выяснять путем опросов, в чем заключаются запросы и наказания избирателей. Хороший кандидат сам должен это знать. Знать и предлагать, в чем-то, может быть, слегка завышая ожидания людей.

Есть обещания, выполнение которых зависит от изворотливости мэра, от его умения ладить с губернатором и его чиновниками, от финансовой помощи региону. Они-то чаще всего и не выполняются.

Но есть обещания, выполнение которых зависит от самих избирателей. От того, насколько вызрело в них стремление преобразить город. От нашего русского «так больше жить нельзя». От готовности жителей приложить свои руки, внести свою лепту в общегородской проект.

Самый лучший мэрот, который способен вызвать у горожан именно этот настрой.

Когда уместен варяг

В мэры идут обычно люди с выраженным инстинктом власти—это однозначно. А мотивы могут быть самые разные. От самых шкурных до неправдоподобно возвышенных.

Но инстинкт власти обычно сопровождается одной особенностью. Либо это способность взвалить на себя ответственность (ведь если провалится—стыд и позор), либо человек не отдает себе отчета в том, в какой воз он впрягается.

Есть города, где мэрами становятся одни бестолочи. Люди без сколько-нибудь объективной самооценки. Такие мэры из кожи лезут вон, чтобы выглядеть умнее и опытнее, чем есть на самом деле. И некоторым удается втереться в доверие к избирателям.

Значит, население в таком городе достигло какого-то уровня деградации. Такое тоже бывает, просто об этом не принято

говорить. Население иногда способно производить людей с лидерскими качествами только третьего сорта.

Есть научное объяснение, почему это происходит. Местное общество деградирует, если не получает импульсов от лучших своих людей, а импульсы эти сходят на нет, если не получают поддержки у общества. В таких случаях людям надо это признать и поискать не лишённого порядочности сильного «варяга».

Категории электората

Городской электорат обычно делят на разные категории. Старики-пенсионеры, которые обычно голосуют за кандидатов левого толка. Женщины. Молодежь... И это правильно. Но каждая такая категория в свою очередь тоже делится надвое. Есть те, кто просто любит свой город, так сказать, на словах. И есть те, кто всегда готов выйти на субботник и откликнуться на какой-то другой призыв местной власти поучаствовать в преобразении города.

Местный патриотизм, как и патриотизм государственный, тоже бывает пассивным и активным. На словах и на деле.

Привычная моральная катастрофа

Мэрия обычно даёт жителям только то, в чём они нуждаются. Читатель скажет: а что ещё им нужно? Им нужно не только то, в чём они нуждаются, но и то, что они хотят видеть в городе.

Они хотят, например, чтобы их город обновился. Стал более современным, более красивым. Нравственность — в преумножении какого-то позитива. Преумножение в благоустройстве

города, в бытовой культуре горожан, в их благосостоянии. Но если качество жизни не преумножается, то оно падает, хиреет. И заодно морально хиреет население, понижается его жизненный тонус.

Должность мэра — политическая

Мэр во всем мире избирает народ. И в то же время должность считается не столько политической, сколько чиновничьей. У нас мэры исключительно хозяйственники, и они всячески это подчеркивают, чтобы их не заподозрили в политических амбициях.

Как-то один мэр в телевизионной передаче сказал: «Народ меня избрал, и поэтому я...». Другой участник передачи, губернатор, его поправил: «Не народ, а жители».

Тот мэр не оговорился. И сказал, если вдуматься, правильно. Да, он избран жителями. А жители кто? Граждане города, являющегося частицей страны. Но если эти граждане — часть народа, то кто они? Тоже народ, в своем городском масштабе.

Это не игра слов, а вопрос смыслов, имеющих немаловажное значение. Мэр обычно работает так, как позиционирует себя в собственных глазах. Кто он: избранник населения или ставленник губернатора?

Тот мэр, о котором идет речь, не сошелся характером с губернатором как раз из-за того, что до этой телепередачи, в частном разговоре, сказал ему в лицо: «Вас назначил президент, а меня избрал народ. И в этом, лично для меня, есть большая разница. Вы, конечно, можете меня гнобить, не давать городу денег, но перед вами я не прогнусь».

При этом разговоре присутствовал третий. А малый город — не областной центр. Здесь секреты администрации

быстро становятся известны всем интересующимся. Короче говоря, скоро об этом разговоре узнал весь город. А потом эта телепередача...

Авторитет мэра резко пошёл вверх. А репутация губернатора, который стал мстительно урезать финансирование, пошла вниз. Об этом конфликте стало известно другим мэрам и другим городам региона. Если бы губернатор выставил свою кандидатуру на выборах, он бы точно проиграл. Но он проиграл и без выборов. Администрация президента имеет свои возможности замерить репутацию губернатора. Короче, на второй срок президент его не выдвинул.

Должность мэра политическая, независимо от размеров города и численности жителей. И если даже мэр считает себя только хозяйственником, и сами жители видят в нем только хозяйственника, все равно его работа — сплошная политика местного значения.

Плох тот мэр, который не мечтает стать губернатором

Каждый мэр хочет войти в историю своего города, чем-то запомниться землякам. Законное и вполне объяснимое желание — надо ли видеть в нем какое-то тщеславие? Другое дело, что далеко не всем это удастся. А должно удаваться. Должно! Иначе нет смысла становиться мэром.

Плох и тот мэр, который не видит себя в кресле губернатора. Хотя, конечно, в большинстве случаев эти притязания всего лишь розовая мечта солдата о маршальском жезле. Но теоретически все так. Выборы — стартовая площадка. Многое зависит от самого мэра, в особенности, если это молодой человек. Справится с новой для себя должностью — политическая карьера обеспечена.

Здесь можно даже больше сказать. Президент страны, если он начал карьеру свою не с муниципального уровня, не может знать и чувствовать, чем живет душа России — провинция, в чем нужды муниципальной власти, и как этой власти приходится вертеться, когда сверху принимают решения без учета ее интересов.

В идеале, президентом России должен становиться человек, который начинал свою политическую карьеру с должности мэра небольшого города, потом стал губернатором и только затем въехал в Кремль. Тогда президент будет по-настоящему знать, чем живет настоящий центр страны — ее глубинка.

Возможно, когда-нибудь это станет правилом.

Многое решают «гладиаторы»

А как у них проходят муниципальные выборы? В США большинство кандидатов в мэры небольших городов — выдвиженцы местного бизнеса, стремящегося осуществить через своего ставленника выгодные проекты. Проекты, заметим, выгодные не только бизнесу, но и жителям. По-другому там просто не бывает.

В местных выборах, как правило, участвуют не более 35% списочного состава избирателей. В местных референдумах еще меньше: 5–10%. Цифры растут, когда повышается конфликтность выборов. Когда сталкиваются кандидаты разных партий. Демократы и республиканцы рьяно поддерживают «своих».

Избиратели с психологией наблюдателей неизменно составляют около 60%, из них полностью апатичных — 35%. Самых активных очень мало — чуть более 5%. Это местные бизнесмены, чиновники, работники фирм, которые заинтересованы в победе «своего» кандидата, и которые, как правило, и берут

верх. Недаром американцы говорят, что побеждает не большинство избирателей, а число политических активистов.

Еще меньше, всего 1–2%, так называемых «гладиаторов» — самых активных сторонников того или иного выдвиженца, прозванных так за свою готовность жертвовать временем и средствами.

И еще одна особенность-закономерность. Избирательная активность неизменно понижается по мере роста образовательного уровня населения и повышения его мобильности.

У нас существует несколько идеалистическое представление, будто в мэры американцы избирают очень способных людей. Увы, и там к заветному креслу пробиваются и бестолочи, и проходимцы. Еще А. Токвиль писал, что «ошибаются те, кто во всем общем избирательном праве видят гарантию хорошего выбора».

Победа порой достигается за счет самых незначительных причин, даже на выборах президента. Р. Рейган в свое время прошел в Белый Дом только потому, что на пути у него стоял слабый и дискредитировавший себя Д. Картер. Социологи уверены, что, если бы Рейган баллотировался без противника, он не набрал бы нужное число голосов выборщиков.

Локальные избирательные кампании в США решают три задачи. Первая задача — привести к урнам своих избирателей — тех, кто разделяет взгляды кандидата. Вторая задача — привести неопределившихся. И третья задача — знать своих избирателей поадресно, а лучше поименно.

Это практически невозможно за тот срок, который отводится на предвыборную кампанию. Так, как в США эту проблему решают, нам не очень подходит. Как показывает практика, нам важно, чтобы оппозиция любого уровня власти что-то делала для страны, для региона, для муниципалитета. Чтобы избиратель видел: оппозиция способна не только языком

молоть, но и что-то реально делать. В этом случае кандидат от оппозиции может сформировать и свой электорат, и узнать каждого своего избирателя поименно.

«Золотые правила» политической рекламы

«Золотые правила» политической рекламы сформулировал известный политехнолог Жак Сегелá. Правда, он прославился тем, что «делал» президентов, а не мэров. Но некоторые из разработанных им правил универсальны, и их не мешает знать.

Правило первое. В политической рекламной кампании нет мелочей. Любое пренебрежение, казалось бы, малозначительными деталями, например, внешним обликом или стилем одежды, может иметь поистине непоправимые последствия.

Правило второе. Изображение должно быть более убедительным, чем слово. Это касается выступлений по телевизору, телевизионных дебатов и фотографий кандидата. Сегела исходит из того, что люди судят о кандидате больше по внешности, чем по уму. Оказывается, в этом смысле мы ничем не отличаемся от европейцев.

Правило третье. Самой эффективной рекламой оказывается та, за которую не платят. Сегела считает возможным вообще не проводить рекламную кампанию в тех случаях, когда соперники занимаются этим чересчур активно, что производит на избирателя обратный эффект.

Правило четвертое. Никаких ложных обещаний. Одна правда, но не вся сразу, а «порциями».

Правило пятое. Власть не завоевывают, это противник теряет ее.

Правило шестое. Что-то отрицать во время предвыборной борьбы, значит признавать это.

Правило седьмое. Для того, чтобы победить, кандидату достаточно показать себя носителем ожиданий избирателей.

Правило восьмое. Избиратель голосует в первую очередь за личность, а отнюдь не за программу.

Правило девятое. Голосуют за себя, а не за кандидата.

Правило десятое. Голосуют за активность, а не за пассивность.

Правило одиннадцатое. Выборы никогда не выигрываются без женщин и молодежи.

Правило двенадцатое. Любые выборы выигрывают за счет колеблющихся.

Другие правила Жака Сегела

Голосуют за человека, а не за партию.

Голосуют за идею, а не за идеологию.

Голосуют за будущее, а не за прошлое.

Голосуют за образ социальный, а не политический.

Голосуют за человека — легенду, а не за посредственность.

Голосуют за судьбу, а не за обыденность.

Голосуют за победителя, а не за неудачника.

Голосуют за ценности подлинные, а не мнимые.

Правила мэра

(от автора)

Должность мэра считается хлопотной и неблагодарной, однако число желающих занять её почему-то не убывает.

Кандидату в мэры не обязательно выдумывать предвыборные обещания. Избиратели сами подскажут, чего они ждут от новой власти.

Лучшее испытание для кандидата в мэры — дать ему возможность произнести часовую речь.

О мэре, который только идет во власть, можно судить по его друзьям.

Кандидат, ставший мэром, не может быть верен своим друзьям, если хочет остаться верным своим обещаниям.

От своих кандидатов избиратели не ожидают ничего хорошего, но все же надеются на лучшее.

Мало знать правила политической игры. Надо еще уметь по этим правилам играть.

МЭР — ЭТО СТИЛЬ

Работа с кадрами Екатерины Великой

Говорят, человек — это стиль. О мэре можно сказать то же самое. Мэр таков, каков его стиль. Но давайте сразу условимся, что именно мы называем стилем. Наверное, это не только манера руководить. Стиль — это еще и содержание, и методы работы.

Снова немного истории. Наверное, читателю будет интересно знать, как работала с кадрами успешная в делах Екатерина Великая. «Старайтесь отыскивать людей, — советовала она. — Но знайте: только ничтожества лезут в глаза. Истинное достоинство всегда скромно, оно стоит в стороне и ждет, пока его заметят».

На талантливых людей у нее был, как сейчас говорят, глаз. «Я не боюсь чужих достоинств, — писала она в своих воспоминаниях, — напротив, желала бы иметь вокруг себя одних героев и все на свете употребляла, чтобы сделать героями тех, в ком видела малейшее к тому призвание».

Но, с другой стороны, терпела в своем окружении посредственных людей. Только при этом стимулировала их работу над собой, по ее словам, «пришпоривала». Преувеличивала их

способности и свои надежды на них, организовывала соревнование друг с другом, не допуская при этом открытой вражды.

Не давила на подчиненных. У нее было правило: лучше подсказывать, чем приказывать. Внушала подчиненному какую-то свою идею, которую он начинал воспринимать, как собственную, и с рвением осуществлял.

Не устраивала кадровой чехарды, но постоянно обновляла кадры. Только не сразу меняла старых на молодых, а приставляла молодых к опытным сановникам, чтобы они набирались опыта, и только после этого отправляла стариков на покой.

У Екатерины Великой была неограниченная власть, но она всю жизнь помнила, каким путем взошла на трон. Ключевский назвал это чутьем положения. Понимала, что получила власть благодаря «Его величеству случаю». И поэтому постоянно боялась потерять не только свое положение, но и голову. А это именно то чувство, которое и требуется любому управленцу, чтобы, грубо говоря, не зажратьяся.

А теперь о самом главном совете Екатерины Великой. Если что-то идет не так, наставляла она, то «не формы, а деятели виноваты».

Что же получается? Неужели результаты работы политического строя зависят, прежде всего, а может быть всецело — от кадров? Если вспомнить нашу советскую историю, напрашивается именно такой вывод. По главным историческим результатам система была не так уж и плоха. Войну выиграла, в космос вышла первой, мир капитализма вынудила меняться. Один слом колониальной системы чего стоит. Так, может, проиграла капитализму не сама система, а косные деятели наши, боявшиеся правды, не доверявшие своим же гражданам, мешавшие им конкурировать и творить в условиях настоящих, а не лицемерных гражданских свобод?

Если мы не усвоим этот урок, если не будем давать людям возможность влиять на власть на всех ее уровнях и участвовать в социальном творчестве даже в самых малых наших городах, мы снова наступим на те же грабли и получим тот же печальный результат.

Власть у нас всегда такова, каковы мы сами, и какой мы позволяем ей быть.

Стиль царских чиновников

Стиль руководящей работы при советской власти был отчасти таким же, как при самодержцах. Ленин, помнится, писал: «Мы переняли от царской России самое плохое — бюрократизм и обломовщину, от чего буквально задыхаемся, а умного перенять не сумели».

Из этих слов следует два вывода. Первый: на стиль руководящей работы накладывает отпечаток психология народа. И вывод второй: стиль этот всегда преемственный. Поэтому не удивительно, что в городских администрациях стиль и по сей день остается, в некоторой степени, советским. Но не стоит этого стесняться или тем более стыдиться. Работа местной советской власти, при всех ее недостатках, однозначно была нацелена на улучшение жизни людей.

Есть у старого российского стиля руководящей работы черты, которые следовало бы хранить вечно. Например, срок губернаторской службы обычно не превышал семи лет. Если дела шли успешно, царь переводил в другую губернию.

Ни один вице-губернатор не мог стать губернатором по месту своей работы. То была мера против подсиживания.

По сигналу о злоупотреблениях губернской власти выезжал чиновник особых поручений, который проверял обоснованность обвинений путем опроса жителей.

Служебная этика тех времен обязывала всю вертикаль власти, от царя до городского головы, лично просматривать всю поступающую на их имя почту.

В ежегодном отчете губернатор мог приукрасить свою работу, но в то же время не имел права скрыть негативную информацию.

Стиль зависит от нрава

История показывает, что самыми лучшими управленцами были люди уравновешенные, спокойного нрава. Раздражительные и бесноватые пробирались во власть, но обычно плохо кончали.

Мало хорошего делают и говоруны. В кабинете президента Л. Джонсона висела надпись: «Ты ничему не учишься, пока говоришь». Хотелось думать, что слова эти были адресованы не только посетителям, но и были назиданием Джонсона самому себе.

Ценный совет администраторам оставил и Наполеон Бонапарт: «В управлении не должно быть полуответственности». Император считал, что управленец должен не только требовать ответственности, но и сам ее проявлять, подавая тем самым пример.

И Екатерина Великая, бывало, ошибалась в подборе людей на какие-то должности. Но если кто-то не справлялся, брала вину на себя: «Ведь это я выбрала его».

Объезды города

Стиль проявляется в элементарном объезде города. Один мэр возит с собой чиновников и журналистов в заранее намеченные места. Другой предпочитает незаметно ездить в оди-

ночку, причем, туда, где его не ждут. Третий соединяет эти два приёма. А кто-то инспектирует работу служб не регулярно, а по настроению.

Если же мэр перестает объезжать город или вообще не имеет такого правила, то он тем самым расписывается в своём служебном несоответствии. Жители делают вывод, что их градоначальник занят какими-то делами, которые для него важнее условий их жизни.

Оговоримся для полной ясности. На каком-то этапе работы, когда мэр добился очевидного улучшения дел, ему уже не обязательно лично объезжать каждый день город. Для этого есть замы. Но объезд, как форма постоянного контроля, это основание стиля работы. Нет этого основания, нет и самого стиля.

Контакты с населением

В понятие «стиль» входят также все виды контактов мэра с населением. Наш народ любит, когда власть в лице должностных лиц разговаривает с ним. Но по муниципальному телевидению чаще всего можно видеть только отчеты мэра о своей текущей работе. Жители задают вопросы — мэр отвечает. Но этот контакт, чаще всего, отфильтрованный. Самые острые и неудобные вопросы не зачитываются. И уж тем более не оглашаются те или иные обвинения в адрес мэра или его приближенных.

Общественное мнение проявляется во время таких диалогов в сильно усеченном виде. От полной правды истинного отношения людей к мэру и членам его команды, в лучшем случае, остается полуправда. Мэр, конечно, это понимает, как понимают все те, кто помогает ему осуществлять эту манипуляцию. И это, в свою очередь, понимают жители. Что в итоге?

В итоге возникает атмосфера лжи.

Наши правители обычно разговаривали с народом со строгой физиономией, как отцы, поучающие неразумных детей. Поэтому, когда тон менялся и был душевным, подданные бывали очень растроганы. Так бывало во времена Екатерины II, не случайно ее называли «матушкой».

В последнее столетие тон, чаще всего, был сухо-официальным, очень важным, каким разговаривают уже не отцы, а просто большие начальники, за что народ, в критический момент, сурово отплатил — не стал этих начальников и их власть защищать.

Но, кажется, никогда у нас правитель не разговаривал с народом на морально-философские темы, что нам особенно нужно. По той простой причине, что (слова В. Ключевского) «государство в нас самих, в наших мыслях, чувствах и отношениях». В каждом из нас гражданин спит или дремлет, и только постоянный диалог с ним может поддерживать состояние постоянного бодрствования.

То же самое относится ко взаимоотношениям мэра и местных жителей. Если градоначальник будет держать людей в гражданском тоне, они поддержат самые смелые, самые, на первый взгляд, несбыточные его проекты.

Мэры — троечники

Можно вести городские дела с творческим подходом, что-то меняя в лучшую сторону, а можно работать по старинке, ничего не меняя. Так, чаще всего, и поступают мэры. За то, что не придумываешь ничего нового, губернатор на ковер не вызовет. Но этот стиль ведёт если не в полный тупик, то, по меньшей мере, в перспективу, когда перемены к лучшему

происходят так медленно, что ни на кого не производят никакого впечатления. И не прибавляют людям уважения и любви к своему городу. Такая работа — как в школе учеба на тройки. Вот почему большинство мэров малых городов у нас — троечники. Но троечники вовсе не потому, что бездарны или лишены тяги к обновлению, а потому, что другой стиль, на четверки и пятерки, никем не стимулируется. Ни сверху, со стороны вышестоящей власти, ни снизу — со стороны населения.

Гражданский потенциал

Учеными подсчитано, что потенциал России задействован всего на 20–30 процентов. Где же этот, незадействованный, скрывается?

Об этом иногда говорят с трибун и пишут в специальных журналах. Только при этом имеется в виду потенциал производства и экономического. Недостаточно развитые производства, нереализованные бизнес-проекты и так далее. Но попробуйте вспомнить, чтобы кто-нибудь говорил о нераскрытом гражданском потенциале рядовых местных жителей. Принято думать, что раскрытие этого потенциала не сулит городу никаких экономических выгод. А это большое заблуждение.

Сколько в городе неформальных лидеров

В нашем представлении об организаторской культуре, чем мэр города опытнее и тверже характером, тем лучше. Мол, тогда только он может держать порядок. Вообще, наше представление о твердой власти — это представление о власти единоличной. В европейских странах все наоборот. Там быть единоличным организатором город-

ских дел — проявление делового бескультурья. Там, чем больше мэр делится своими полномочиями, тем выше его авторитет, а значит и влияние. Там даже выведен арифметический эквивалент. В городе должно быть лидеров 1% от численности населения. К примеру, если в городе 20 тысяч, то неформальных лидеров должно быть, как минимум, 200.

Город — живой организм

Городскую администрацию иногда называют социальной машиной. Между тем, сам город считается живым организмом, которому свойственно развиваться, причем в определенном темпе. Если в работе мэра нет темпа, организм этот, конечно, не умирает, но и жизнь в нем не кипит. Таковы в своем большинстве все наши малые города. Это как бы большие полусонные деревни. Не случайно молодежь стремится уехать туда, где кровь в организме играет.

Считается, что у нас такое положение невозможно изменить. Мол, малый город просто по определению не может жить такой же полнокровной жизнью, как соседний большой город. Но это большое заблуждение, основанное на том, что мы просто не представляем, как же заставить малый город жить иначе. Это проблема нашего сознания, а не фатальной неспособности города стать другим.

Дружба граждан

Мэрия должна развивать дружбу между гражданами города. Не надо удивляться. Понятие «дружба между гражданами» известно со времен древнего Рима. В Англии, например, эту функцию играют пабы — пивные клубы, где людей объеди-

няет не только и не столько любовь к пиву, сколько взаимная симпатия и интерес друг к другу.

У нас в последние годы получили развитие бары болельщиков, где люди собираются для того, чтобы слиться в сопереживании спортивной борьбы. Есть и другие объединения, но чаще всего они возникают без какого-либо организующего участия со стороны местной власти. А жаль. Власти «дружба между гражданами» важна и необходима, поскольку позволяет направить их нерастратченную социальную энергию на развитие города.

Первая провинциальная знаменитость

Чехов писал, что нет ничего несноснее провинциальной знаменитости. А кто такой градоначальник? Первая знаменитость. Причем, чаще всего, благодаря собственным стараниям.

Знаю одного мэра, который, не закончив своего срока, стал почетным гражданином города, и начал при каждом удобном и неудобном случае хвастать, что стал членом-корреспондентом Академии... качества (оказывается, есть и такая), свой юбилейный день рождения справил во Дворце спорта и выпустил к этому дню водку со своим портретом на этикетке.

Правила мэра (от автора)

В работе мэра нет ничего маловажного и второстепенного. Мэр отвечает за все.

Мэр таков, каковы дороги, тротуары и подъезды в его городе.

Главная задача первого года работы мэра — собрать вокруг себя действительно толковых людей.

Мэр — всегда политик местного масштаба, даже если тако-

вым себя не считает. Не заниматься политикой все равно, что не заниматься жизнью.

Мэр не должен позволять окружению держать себя на крючке. Это освобождает его от необходимости защищать «своих мерзавцев».

Работать мэром— это значит часто выбирать одно решение между несколькими плохими.

Чиновники создают дополнительную проблему при выполнении практически любого решения.

Каким бы слабым ни был мэр, жители считают его выше и сильнее совета депутатов.

Чем умнее чиновник в администрации, тем реже он соглашается с мэром.

У мэра должно хватать ума, чтобы понимать: льстец в его окружении –потенциальный клеветник.

Управление городом, не затрагивающее интересов местных богачеев, не дает ощутимых результатов.

Хороший мэр стремится к тому, чтобы оставаться в своей должности, пока не устанет, и не устает, пока жители хотят, чтобы он оставался.

Система должна способствовать выдвижению в главы городов сильных лидеров, потому как слабые и посредственные лидеры способствуют упадку системы.

Чтобы быть правильным мэром, надо правильно жить.

ТВОРЧЕСКИЙ ГОРОД

Чарльз Лэндри призывает действовать

Широко известный на Западе специалист по развитию городов Чарльз Лэндри 10 лет назад выпустил книгу под названием «Креативный город». В ней он ссылается на опросы, которые еще в 1997 году показали, что 84% населения Великобритании устали от жизни в больших городах и хотели бы переселиться в небольшие деревни, хотя в действительности там жили лишь 4%. Автор, еще тогда, 20 лет назад, сделал вывод: мы не в состоянии построить достаточно деревень, но мы можем попытаться сделать города тем местом, где хочется жить.

Каждый город, по Лэндри, обладает творческим потенциалом. Носители этого потенциала, творческие люди, собираясь вместе, формируют творческую среду.

Но способность к социальному творчеству могут также проявлять и чиновник, изобретательно борющийся с бюрократическими несообразностями, и бизнесмен, соединяющий стремление к выгоде с социальной ответственностью, и работник социальной сферы, проявляющий предприимчивость в решении проблем своих подопечных.

Творчество требует конкуренции

Если бы понятие «креативный город» прижилось и у нас... Почему бы, к примеру, не объявить всероссийский конкурс на лучший... нет, не креативный, это как-то слишком по-иностранному звучит, можно ведь назвать проще — творческий город. Тем более, что последнее время и у нас, почти повсеместно, отмечается желание обновить, осовременить городскую жизнь.

Гений места

Чтобы дальнейший разговор был не слишком теоретическим, будем время от времени обращаться для наглядности к городу Пушкино. Автор часто бывал там наездами, какое-то время жил постоянно. Впечатлений скопилось достаточно.

Городу Пушкино дано многое, и прежде всего уникальное местоположение. Построен он на вершине 300-метрового холма, самой высокой точке Московской области. Но весь холм не занимает, в самом городе и его окрестностях полно свободных площадей, что в соединении с уникальным ландшафтом создает городу массу возможностей.

Уникально и то, что стоит город, если верить исследователям, на огромной карстовой пещере, где под толщей земли и известняка таится огромное подземное озеро, дающее знать о себе многочисленными родниками, втекающими в Оку.

На окраине Пушкино, рядом с Окой — старинная дворянская усадьба. Здесь когда-то снимали «Неоконченную пьесу для механического пианино» и другие фильмы, но с тех пор усадьба никак киношниками не используется и находится в запущенном состоянии.

А на другом берегу Оки, в половину горизонта— Заокский заповедник с питомником для зубров.

Первыми в Пущино поселились молодые ученые. И первое, что сделали— проложили почти отвесную трассу лыжного слалома.

Слева, на въезде в город— крутой склон без деревьев. С него когда-то любовались потрясающими закатами. Здесь же молодежь шалила на праздник Ивана-Купалы.

Этот склон— идеальное место для проведения всевозможных музыкальных фестивалей. Его можно было бы сделать брендом города и неплохо на этом зарабатывать. Но не будет на левом склоне Пущино рок-фестивалей. И нет теперь у пущинцев потрясающего вида с горы на заповедник и солнечные закаты. Склон застроен сущими дворцами. Закаты теперь только для богатеньких дачников. Въезжаешь в город и сразу видишь, кто здесь справляет праздник жизни.

Но был для склона и другой вариант. Поставить там красивый храм. Что помешало этому? Почему церковь в этом городе ютится, как скит, на окраине, в лесу? Непонятно...

Центр— сердце города

Немало странностей и в устройстве города. Если спросить, что находится в центре, пущинец назовет аптеку, два магазина, одно кафе и крохотный скверик. Все!

Что такое центр города? Это, прежде всего, учреждения. В Пущино их в центре нет. Ни одного! Суд, прокуратура, полиция и даже администрация находятся на окраине, причем, в разных местах. Почему? Зачем?

У города без центра не бьется пульс. Город без центра выглядит вялым и сонным. Что в будни, что в праздники, что зимой,

что летом. И люди в таком городе сидят в своих квартирах, как в норах. Не имеют привычки гулять, встречаться, общаться.

Мэрия, жилищно-коммунальные службы, банки, полиция, суд, гостиница, музей, ресторан, кинотеатр, пешеходная улица с магазинами, пешеходная зона — всё должно находиться в пределах двух-трёх кварталов.

В центре также крайне желательно особое освещение, создающее ощущение мажора, праздника. Это особенно необходимо в осенне-зимний «сезон эмоционального расстройства». В Финляндии проводят даже «фестивали света». В Норвегии устраиваются ежевечерние световые шоу.

Только хороший центр создает «движку», уличную жизнь. Есть люди-совы. А кого-то одолевает хандра, человеку не спится, не сидится дома, но он торчит в своих четырёх стенах и мается — некуда пойти. Ночная жизнь особенно нужна молодежи, молодой организм требует...

С другой стороны, есть виды бизнеса и творчества, представители которых могут зарабатывать ночью больше, чем днем: рестораны, клубы, театры, бары для болельщиков...

И наконец, в социальном смысле, центр — место, где формируется городская общность людей, складывается их земляческое самосознание.

Архитектура держит города во вчерашнем дне

Сегодняшние администрации городов, чаще всего, размещаются в тех же зданиях, что и горисполкомы в советское время. Помещения, спланированные с расчетом на кабинетную, келейную систему работы, выглядят архаично. Сегодня в мире принят открытый стиль управления.

У западной бюрократической машины другой дизайн. Чиновники работают в офисах, похожих на аквариумы, а сове-

щания проводят в просторных залах, где посетители и журналисты сидят на балконах. А в городах, где практикуются элементы прямой демократии, собрания активистов местного самоуправления проводятся в больших залах, оборудованных электронной системой голосования.

Нашим малым городам катастрофически не хватает профессиональных архитекторов. Должности эти занимают люди без соответствующего образования, доморощенные дизайнеры. Выпускники архитектурных вузов неохотно едут в провинцию. Но часть ответственности лежит и на мэрах, считающих, что архитектор — не такая уж жизненно важная фигура. А основная причина, конечно, в недостатке денег. Ну, нарисует архитектор красивые эскизы, а на какие «шиши» модернизировать административные помещения?

Застарелые проблемы

Жил в Пущино класный мастер по кладке печей и каминов Виктор Шлеин. Можно было любоваться тем, как он работает. Когда состарился, пришел в мэрию и предложил свои услуги. «Могу научить молодых». — «Так ведь у нас комбината по обучению рабочим профессиям давно нет, — сказали ему. — Да и зачем вам это, дедушка? Отдыхали бы».

Однажды решила мэрия обновить тротуар на центральной улице. Видимо, самим чиновникам надоело бить обувь о выбоины в асфальте. Решили положить плитку. Укладывали мигранты-азиаты. Укладывали долго, видно, сами только учились, и без ожидаемого результата. Плитка не выдержала зимы. А в это время Шлеин маялся своей ненужностью. А уж он-то научил бы целую бригаду местных за пару дней и с другим результатом

«А я знаю, как можно оборудовать классный пляж,—сказал Шлеин чиновникам, когда речь зашла еще об одной застарелой городской проблеме.— У нас ведь Ока совсем мелкая, плавают только ребяты. Взрослые люди окунулись и—на песок. Людям главное—загореть. Но это можно устроить прямо в городе. Подходящее место для этого есть, прямо в центре, возле сосновой рощи. Поставить красивый забор, кабинки для раздевания, лежаки, подвести водопроводные трубы и оборудовать душевые, завезти песок. Сделать площадку для игры в пляжный волейбол. Поставить летнее кафе. Все!»

«Фантазирует старик»,—говорили чиновники. Откуда им было знать, что в это самое время во множестве городов Западной Европы, где летом стало очень жарко, пляжи стали оборудовать прямо в парках...

Люди любят «глазеть» — почему это не использовать?

У нас принято развлекать людей в увеселительных заведениях музыкой, песнями, танцами. Прекрасно. Но почему не учесть, что люди с не меньшим интересом смотрят, как кто-то тренируется, соревнуется или просто что-то красиво делает. Поставьте кафе перед теннисным кортом, и появятся завсегдатаи, которые будут часами смотреть, как двое гоняют мяч.

Поставьте прямо перед кафе скалодром, и постоянные посетители вам обеспечены.

А тем, кто тренируется или соревнуется, платить не надо. Им вполне достаточно, что у них есть зрители, которые с интересом и восхищением на них смотрят.

Ночная жизнь малого города

Об этом уже говорилось: в малых городах должна быть ночная жизнь. Считается, что эту жизнь могут обеспечить только увеселительные заведения. Напрасно. Местная драматическая студия (или театр) может ставить спектакли, а музыкальная школа давать концерты. Для любителей шахмат и бильярда можно оборудовать специальный зал. Болельщики футбола и хоккея могут собираться для совместного просмотра матчей...

Двор — больше, чем двор

Кто смотрел фильм «Покровские ворота», тот представляет, что такое русский двор.

Раньше играли в шахматы и шашки, «заколачивали козла», обсуждали свои проблемы, делились солью и хлебом, справляли дни рождения и праздники, влюблялись и женились... Соседи были больше, чем соседи. Не будем задавать себе ностальгический вопрос, куда это ушло? Лучше спросим себя, можно ли это вернуть? Можно! Потребность в общении у людей никуда не делась. В особенности, у людей в возрасте. Хотя для детей и молодых людей во дворе тоже можно что-то придумать. У них потребность в общении вообще зашкаливает. Нужно только, чтобы двор был ухоженным, уютным. Тут дизайнеры должны поработать, художники, архитекторы, ну и сами жители, разумеется. Это должно быть их совместным творчеством.

Убедительный, в этом смысле, пример показывает Москва. По телевидению показывали двор, где стоят дачные качели, подростки гоняют шарик за теннисным столом, и есть даже бассейн с рыбками. Можем!

День города

Дни города в Пущино раньше открывались шествием длинноногих барабанщиц в мундирах, нанятых в другом городе. Кульминацией празднества был десант парашютистов, спускавшихся с небес прямо в город. Парашютисты тоже были «гастролерами».

Все было замечательно. Только вот жителей — активных участников этого спектакля, можно было сосчитать по пальцам. Жители были зрителями. Посмотрели, получили удовольствие и разошлись. И в этом проявился стиль управления городом под названием «старинка». Примерно так проводили дни города и в советское время.

День города — это демонстрация жителями их достижений, а не спектакль с приглашенными артистами. Показ того, что люди и их дети сами сделали и чего добились за истекший год. Праздник заканчивается, а его устроители и постоянные участники уже должны думать, что смогут показать через год. И готовиться весь год. У нас же обычно о дне города начинают думать в лучшем случае за один-два месяца до его проведения.

Городские стандарты

А теперь перечислим некоторые стандарты. В чем малые города должны соревноваться друг с другом. И что должно делать жизнь этих городов яркой и интересной.

Духовой оркестр, без которого никакой праздник — не праздник.

Почетный караул юношей и девушек у памятника героям — жителям города.

Барабанщицы в мундирах — для праздничных шествий.
Призывники, демонстрирующие свою подготовку к службе в армии.

Ежегодные проводы в армию всем городом и встречи «дембелей».

Чествование лучших учеников школ.

Чествование подростков, отличившиеся в городских работах.

Чествование пенсионеров, отличившиеся в работах по преображению города.

Два слова о брэнде

Что такое брэнд? Самое простое объяснение — это нечто среднее между имиджем — тем, какое впечатление производит город со стороны, и тем, как город видится его жителям, какую внутреннюю ценность они ему создали. Если эту ценность можно превратить в источник доходов для городской казны, значит у города есть брэнд.

Упущенные возможности

Итак... Огромные свободные площади на окраинах города и внутри него, где можно поставить палатки и автомобили, позволяют проводить всевозможные фестивали и исторические реконструкции. И это может быть брэнд: Пущино — город фестивалей.

Рядом с Пущино — старинный город Серпухов с его монастырем, храмами и прочими достопримечательностями. В самом Пущино, если отремонтировать дворянскую усадьбу на окраине, можно снимать фильмы о старине. Жить актерам

есть где — редкая для малого города семиэтажная гостиница. И это может быть брэнд: «Пушино — съемочная натура и съемочный павильон».

На окраине Пушино, прямо возле автодороги, находятся живописные пруды. Если их зарыбить и благоустроить, это могут быть отличные места для любителей рыбной ловли. Еще один брэнд: «Пушино-рай для рыболовов».

Свободные площади в центре города позволяют создать инфраструктуру открытого и крытого пляжей, и пляжного волейбола. Можно было бы проводить соревнования по этому виду спорта. И это тоже вполне возможный брэнд.

Почти все годы своего существования Пушино был городом шахматистов, что не удивительно, если учесть, сколько здесь жило, до отъезда за границу, ученых. А что же сейчас? Шахматная жизнь в городе дышит на ладан. Шанс стать шахматным городом упущен.

В Пушино сильные музыкальные педагоги. Лучшие учащиеся становятся лауреатами всевозможных конкурсов, а педагоги в состоянии давать сольные концерты. Видимо, с учетом этих возможностей, архитекторы (это было еще в советское время) придумали, а строители возвели перед школой зрительный зал под открытым небом. Отличное место, куда можно приглашать для конкурсов музыкальных педагогов из других малых городов. И это был бы брэнд Пушино. Но зал под открытым небом вот уже несколько десятилетий пуст...

Рядом с Пушино — центр обучения летному мастерству. Что мешает мэрии Пушино создать на своих площадях центр обучения людей дельтопланеризму? Желающих заниматься будет ничуть не меньше. И это тоже был бы брэнд.

А ведь мы совсем не берем в расчет большие площади и большие помещения, похожие на ангары, которые находятся

на балансе Академии наук. Значительная их часть тоже никак не используется. Между тем, в Пушкино, Серпухове, Тарусе десятки хороших художников и фотомастеров. Но выставляются они крайне редко — нет помещений. Недостаток в просторных помещениях испытывают у нас и организаторы соревнований шахматистов. А в Пушкино они есть. И это тоже — его брэнд.

Итак...

Город Луховицы создал себе брэнд на обыкновенном зеленом огурце. Так теперь и называется этот малый город — огуречная столица России. И туда едут сотни туристов.

Город Мышкин создал себе брэнд на серой мыши! И туда едут тысячи туристов.

Что Луховицы и Мышкин по сравнению с Пушкино... Но у них брэнды работают, а тут — сразу несколько перспективных брэндов бездарно пропадают. Вот ведь как бывает...

Города — как люди. Есть потерявшие себя, а есть так себя и не нашедшие. Сколько у нас таких городов?..

ОППОЗИЦИЯ

То сон, то одни словеса

Оппозиция на муниципальном уровне после выборов будто впадает в спячку. Ей уже все равно, как работает мэр, против которого она только что воевала. И ей безразлично, что о ней думают избиратели. Оппозиция просыпается за полгода до новых выборов, искусственно возбуждается и находит у мэра кучу недостатков, которые четыре года не замечала.

Оппозиция у нас, на муниципальном уровне, такая же, как и на уровне федеральном. Свою способность заменить действующую власть она проявляет критикой и обещаниями, благими намерениями, но не конкретными делами.

И это неправильно, как со стороны оппозиции, которая не считает нужным что-то делать, так и со стороны власти, которая не дает оппозиции возможность проявить себя в практических делах.

Есть такое понятие — власть заслуг, по-научному, меритократия. Чтобы претендовать на реальную власть, неважно какого масштаба, надо как-то заслужить это право перед избирателями.

Вот этой меритократии наша оппозиция на всех уровнях лишена начисто.

Оппозиция — и противник, и партнёр

Приняв однажды группу оппозиционеров, президент Ф. Рузвельт сказал им: «Хорошо, вы меня убедили. А теперь идите и организуйте давление на меня».

Оппозиционеры предлагали нечто дельное, с чем президент внутренне согласился, но на что не мог пойти по собственной инициативе, боясь попасть под огонь критики своих сторонников. Но это предложение сулило выгоды, которых его избиратели не понимали. Вот Рузвельт и предложил организовать на него публичное давление.

Будет ли у нас когда-нибудь подобное взаимодействие с оппозицией?

У нас, если к мэру-«единороссу» придут с каким-то предложением «яблочники» или либералы, едва ли получится не только взаимодействие, а даже корректный разговор.

В этом случае логика мэра-«единоросса» примерно такая. Принять идею оппозиционеров, значит, признать, что мы сами до этого не додумались, что оппозиционеры могут вести городские дела лучше нас.

Да что оппозиция! Пусть читатель попробует прийти в администрацию с какой-нибудь толковой идеей. Даже если для вас найдется время и вас выслушают, никто не будет проверять вашу идею на выполнимость. Вам скажут, что ваша идея не нова, то же самое уже делается или будет делаться.

СМИ как оппозиция

В советское время самыми интересными считались материалы, привезенные в Москву из провинции. Знать, чем живет глубинка, слышать ее голос — это был идеологический заказ,

профессиональный тренинг и хороший журналистский тон. И материалы эти, помимо того, что были добротны написаны, открывали власти глаза на нерешенные проблемы провинции и подводили к принятию правильных решений.

Тем более странным было, в то же время, полусонное состояние провинциальной прессы. Местные журналисты в упор не видели, что рядом с ними происходит интересная и даже что-то определяющая во всесоюзном масштабе жизнь. Писали о разной мелочевке. Сложилось даже понятие «мелкотемья». Но сколько бы ни сыпалось попреков в этом самом «мелкотемье», меньше его не становилось.

И в то же время можно было слышать, что при другом строе и при отсутствии цензуры провинция обязательно задышала бы полной грудью. И вот это время лет 25 как наступило, и что мы видим в провинциальной прессе? Все то же «мелкотемье» и все тот же журналистский примитив.

Создается впечатление, что журналисты все время мучаются вопросом, о чем бы таком рассказать читателю-зрителю. Но мучение это, чаще всего, выливается в скучные заметки или телезарисовки о том, как хорошо работает тетя Дуся и какой замечательный человек дядя Вася. А злободневные и животрепещущие вопросы жизни остаются без освещения и без поисков ответа. Жизнь в поселке-городке идет сама по себе — журналисты живут сами по себе.

СМИ и общественное мнение

Чем хуже работают провинциальные журналисты, тем больше в городах, где они работают, сплетен и слухов. А что такое сплетни и слухи с точки зрения социологии? Это общественное мнение в самом что ни на есть естественном виде.

Если газета не является выразителем общественного мнения, то это не газета, а одно название. В этом случае газета не помогает, а только мешает местному обществу иметь свое коллективное мнение.

Вот здесь надо разобраться, что такое общественное мнение и зачем оно нужно. А может, и не нужно вовсе? Может, мы и без него можем прожить?

Почему людям не интересна газета, которая пишет о жизни их города? Неужели дело только в местных журналистах, не умеющих раскрывать злободневные темы? Отчасти, да. А, может быть, объяснение ещё и в том, что сама по себе жизнь города не интересна? Едва ли. Там, где живут люди, обязательно происходит что-то такое, что может стать предметом дискуссий.

Местные СМИ могут быть интереснее федеральных. Отчасти в этом убеждает опыт зарубежных стран. Там именно так и есть. Объяснение простое. Людям больше хочется знать не о том, что происходит где-то, пусть даже в центре страны, а у них дома.

Общественное мнение — это общественная совесть

Оппозиция часто использует общественное мнение в борьбе за власть. И в этом нет ничего плохого. Но этот прием спекулятивный по той простой причине, что общественного мнения, как такового, у нас либо нет, либо оно никак не оформлено.

Общественное мнение выражается через свободные собрания и манифестации граждан, через пикеты и другие формы протеста. Но часто ли мы видим этот протест?

Почему же оно такое вялое, это мнение? А оно такое, какова наша гражданская совесть, тоже вялая и безвольная. Точнее,

это одно понятие, только слова разные. Общественное мнение — это и есть гражданское совесть.

Хороший мэр не может не понимать, что опираться следует на тех, кому не все равно, как живет город, как он выглядит и чего добивается. Это его естественные союзники. И если такие люди никак о себе не заявляют, их нужно находить и включать в работу. И местные СМИ в этой работе незаменимы.

«Писать надо то, о чем мечтаешь»

У Чехова есть удивительно точная и выразительная мысль: «Писать надо не то, что есть, и не то, что “надо”, а то, о чем “мечтаешь”».

Ключевые слова — «о чем мечтаешь». Настоящий журналист должен не только сам мечтать о чем-то лучшем, но и вести за собой своих читателей. Это может быть другое, лучшее, состояние окружающей жизни. Это может быть другое, опять-таки лучшее, отношение человека к людям и к самому себе. Человек обязательно должен к чему-то стремиться, жить какими-то идеалами. Вот это стремление к идеальному и есть в журналистике — умение «писать, о чем мечтаешь».

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Восемь процентов патриотизма?

Москвичка, которая каждый год ездит в глубинку восстанавливать давно заброшенный храм, так отозвалась о местных: «Им все безразлично, у них нет чувства, что земля и город, где они живут — их земля и их город».

Социологические опросы подтверждают: лишь 8 процентов граждан страны чувствуют свою ответственность за то, что происходит в стране. Что же получается? Неужели у нас только 8 процентов настоящих граждан? Или эту цифру следует истолковывать как-то иначе?

Конечно, опрос — не самый точный показатель. Но сколько бы мы ни добавляли к этим 8 процентам, все равно будет мало. Ничтожно мало.

В последние годы советской эпохи тоже наблюдался поваль- ный пофигизм, и мы знаем, к чему он привел.

Эти 8 процентов — не только диагноз, но и тревожный звонок, к сожалению, не единственный. Вот цифры из опросов ФОМ. Непосредственно Президенту доверяют около 80 процентов опрошенных, руководителю региона — 20 процентов, а главе города (поселка) только 8 процентов.

То есть безразличие к своему городу и доверие к его главе — совпадают тютелька в тютельку. Но местному парламенту — совету депутатов, доверия у людей еще меньше — всего 2 процента. Такого не было даже при советской власти, которую сегодня принято считать провальной.

Что же происходит? По сравнению с советским временем люди живут неизмеримо лучше. Демократии больше. Откуда тогда пофигизм и недоверие к власти, в особенности местной? И как это изменить?

Западное гражданское общество по А. Зиновьеву

Социальный философ Александр Зиновьев писал: «Я называю гражданским обществом ... совокупность объединений граждан страны и их деятельность вне их деловых объединений и вне учреждений власти. Они создаются не сверху, не по инициативе властей и не как орудие властей, а снизу, по инициативе самих граждан. Создаются для защиты их частных интересов, а не для единения всех категорий граждан в некую “дружную семью”. Создаются, в значительной мере, для защиты от насилия со стороны государства. Подчеркиваю: не в помощь государству, а в качестве средства обороны от него, если оно заходит слишком далеко в своем самовластии».

Такова характеристика гражданского общества, существующего на Западе. А что думал А. Зиновьев в этом смысле о нашей стране?

А. Зиновьев: «Гражданское общество в России не вырастает как нечто естественное из основ жизни народа в рамках его социальной организации, а навязывается народу сверху, усилиями реформаторской власти и ее идеологов. Навязыва-

ется только потому, что оно существует на Западе. По всей вероятности, его в конце концов изобретут. Что это будет такое на деле, с полной уверенностью можно предсказать уже сейчас. Это будет не подлинное гражданское общество, как элемент подлинной западной демократии, а лишь его имитация, подделка, бутафорская форма российского спектакля демократизации».

Парадоксально, но факт

Итак, если исходить из логики А. Зиновьева, гражданского общества на западный манер у нас нет и быть не может. А значит, стенания по поводу того, что оно у нас ну никак не развивается,— либо непонимание нашей специфики, либо пропагандистская муть.

А можно совсем иначе сказать. Какие-то элементы гражданского общества у нас были и при социализме. Что такое товарищеские суды, народные дружины, жилищно-строительные кооперативы, студенческие отряды (перечень этот можно продолжать), если не формы гражданского общества? И сейчас это общество есть, только в атомизированном виде и сонном состоянии. Если бы наши мэры умели работать с социально-активными гражданами, то повсюду были бы очевидные признаки гражданского общества.

Взгляд на благотворителей

В письме к своему издателю А. Чехов писал не без гордости: «Весной я буду строить новую школу в селе, где попечительствую». Именно благодаря земским благотворителям в довольно короткий срок в провинции открылась масса школ,

больниц, магазинов, строились дороги, заработали почта и телеграф. Люди стали грамотнее и здоровее, в провинцию пришла цивилизация.

А что сегодня? Вы где-нибудь читали или слышали, чтобы наши писатели, выдающиеся артисты, звезды эстрады, большие бизнесмены были где-то попечителями? К примеру, у себя на «малой родине». А ведь сколько их вышло из провинции!

Мы слышим только, что они открывают свои театры (в перспективе — театры их имени), свои рестораны и прочие заведения, которые служат им, как выгодное вложение средств, но не имеют никакой общественной пользы.

А ведь благотворительность нужна и самим благотворителям. Потому как помимо жадности накопительства, есть еще, как считают психологи, жажда самоуважения. Чтобы стать богатым, человек проявляет себя, как эгоист. Но, став богатым, испытывает желание проявлять альтруизм. И это тот моральный баланс, который состоятельный человек — в идеале — должен поддерживать в себе сам.

Рыночная экономика в других странах стоит на том, что быть богатым и при этом не делиться с бедными, не участвовать в каких-то благотворительных проектах, некрасиво и даже аморально, к тому же это чревато потерей репутации. Общественное мнение, как общественная совесть, подобную жадность не прощает.

Хотя такими категориями, как «жадность» или «щедрость» вряд ли стоит оперировать. Точки над «i» здесь расставляет Томас Джефферсон: «Я думаю, что долг каждого человека — посвятить определённую долю своих доходов на благотворительные цели; а далее человек обязан проследить за тем, какое применение они нашли себе, дабы извлечь из них как можно больше пользы».

Это высказывание Т. Джефферсона не оставляет сомнений, что система благотворительности у них зиждется не только на альтруизме, а еще и разработана до тонкостей со свойственной американцам системностью и стремлением получить выгоду даже из невыгодного дела.

Раньше постоянные и щедрые благотворители назывались «отцами города». Их имена вписывались в историю города. Сегодня они у нас в тени. И это, пожалуй, не совсем правильно. Если ничего не делают для города, это должно быть известно. Если делают — тоже.

Добродетель не должна требовать награды, но и анонимность ей вредит. Люди хотят знать, кому конкретно они обязаны какими-то улучшениями городской жизни.

Гражданское общество невозможно без денег

Что такое гражданское общество с политической точки зрения? Это оппозиция мэрии, если мэрия работает недостаточно эффективно. Это непримиримая оппозиция, если мэрия работает скверно и не желает сотрудничать с гражданским обществом. И это партнер мэрии, если она стремится к сотрудничеству.

Но в любом случае гражданское общество должно осуществлять свои проекты, и для этого ему нужны средства. Вот это и обсудим.

Дорога вскладчину

Года два назад по телевидению был показан любопытный сюжет. Жители одной уральской деревеньки, в основном старики-пенсионеры, устав месить грязь, скинулись и наняли дорожников, которые сделали дорогу и тротуары с твердым покрытием.

Вот так... Сегодня даже в глухой деревеньке у людей есть накопления. И этих накоплений столько, что даже старики могут вложить какую-то часть в улучшение общей жизни.

Этот факт опровергает утверждение, что мы не способны объединяться для решения своих бытовых проблем. И этот и другие случаи убеждают: еще как способны!

Когда писались эти строки, показывали телевизионный сюжет из деревни Бухалово (ударение на первом слоге) Ярославской области. Местные жители скинулись, взяли кредит и восстанавливают православный храм. И заодно подумывают, не переоборудовать ли в клуб бывший фельдшерский пункт. Таким же немудреным благородным способом.

Способны!

Между прочим...

Общая сумма рублевых банковских вкладов граждан составляет около 23 триллионов рублей. Валютных вкладов — около 2 триллионов. А сколько под матрацами?..

Муниципальные займы в США

В США по разным причинам сокращается финансирование муниципалитетов, но от этого не страдают капиталоемкие проекты: строительство школ, инфраструктуры, объектов жилищно-коммунального хозяйства. Выручают альтернативные финансовые механизмы, и главный среди них — муниципальные облигации.

Скажем главное: рынок муниципальных облигаций в США по своему размеру уступает только рынку ценных бумаг федерального правительства, поскольку покупка облигаций

считается очень привлекательным вложением денег — доходы по ним не облагаются налогом.

Подробное описание этого механизма заняло бы слишком много места и внесло бы в текст некоторую скуку. Поэтому, для сведения желающих вникнуть в эту тему глубже, есть специальный обзор РАН под названием «Муниципальные облигации в системе финансов США». Есть и другие источники.

Разумеется, механизм муниципальных займов может работать только при условии доверия населения к местной власти. Причем, большого доверия. А также, при условии дружбы между гражданами и доверия между ними. Но, если доверие и дружба станут фактом — это само по себе может обеспечить осуществление самых невероятных проектов. И это в корне изменит психологию жителей.

Другой способ финансирования

Но есть и другой, проверенный способ финансирования муниципального гражданского общества.

Эксперты Всемирного банка предложили некоторым нашим регионам программу искоренения иждивенческих настроений в обществе и эффективно решать накопившиеся проблемы в маленьких городках и поселках.

Были выбраны шесть районов Кировской области для реализации там небольших социальных проектов. Районы специально выбирали отдаленные, куда бюджетные деньги почти никогда не доходили и где социальные проблемы не решались десятилетиями, откуда люди старались уехать.

Суть программы была проста. Население деревень и поселков на общем собрании жителей выбирает ключевую проблему и определяет свой вклад в проект — сколько они готовы вложить своих денег или своего труда.

Люди предлагали проекты, и выигрывали те из них, кто лучше проект проработал и обосновал. Важным условием было и то, сколько собственных денег и усилий люди готовы были вложить в этот проект.

Эксперты банка проехали по поселениям, участвовали в сходах людей, следили, чтобы при выборе проекта на людей никто не оказывал давления, обучали, как оформлять заявку, составлять проект и бизнес-план.

Средняя стоимость проектов — 1 млн. рублей. Это годовой бюджет небольших поселений. Никакого норматива по сбору денег не устанавливалось — сколько люди готовы были собрать, столько и утверждалось в проекте.

В некоторых случаях недостающие деньги выделялись из местного и областного бюджетов. И все это проводилось под контролем и при юридическом сопровождении экспертов Всемирного банка.

«Люди первого разряда»

У нас в России такие люди назывались раньше праведниками. «Не стоит село без праведника», говорилось в русской пословице.

Т. Джефферсон называл их «естественной аристократией», человеческой породой более высокой, чем наследственная аристократия.

Ф. Достоевский, называя их «людьми первого разряда», объяснял: «Всякому обществу, чтобы держаться и жить, надо кого-нибудь уважать непременно, и, главное, всем обществом, а не то, чтобы каждому, как он хочет про себя».

Чехов писал: «Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там

и сям — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало».

Сейчас такой сорт людей тоже встречается. Как правило, это всеми уважаемые врачи, учителя... Хотелось продолжить этот перечень, но рука остановилась. Негусто у нас сейчас с этим «первым разрядом». Многие лучшие люди чувствуют сейчас свою ненужность и неприменимость. Нет уже запроса на звание «моральный авторитет». Но им, «людям первого разряда», еще предстоит проявить себя в преобразении наших городов, как только появится запрос.

В каком случае этот запрос может появиться? Наверное, когда поймем, что так, как мы живем, жить нельзя.

Но тут возникает естественный вопрос. Как такое может быть, что чиновники, не имеющие морального авторитета, полностью и безраздельно влияют на нашу жизнь, а лучшие люди не влияют? Это же несправедливо. В этом нет логики. И это, если на то пошло, просто вредно. Если бы лучшие люди имели влияние на местное общество, мы жили бы иначе. Лучше. Может быть, даже совсем иначе. То есть намного лучше.

Мы постоянно ноем, что у нас туго развивается гражданское общество. А кто должен создавать это общество и руководить им, как не лучшие люди? Только отсюда еще один вопрос вытекает. Если у нас действительно такие люди есть, почему они живут только своей частной жизнью, а до жизни города им дела нет?

Кстати...

В эпоху Екатерины Великой действовал, созданный по ее инициативе, так называемый Совестьный Суд. Как отмечал Н. Гоголь, ничего подобного не было ни в одном государстве

мира. В суд этот входили, как правило, лучшие люди какой-либо местности. И судили они, понятное дело, не уголовные преступления, а проступки против совести.

Это был самый настоящий гражданский общественный институт, чем-то напоминающий товарищеский суд советского времени. И просуществовал с 1775 по 1862 годы. То есть 87 лет...

Творческое пространство

В каждом городе есть категория жителей, которых можно назвать «неравнодушными гражданами». Это они разводят каждую весну во дворе дома цветники. Пишут в местную газету, указывая, где что не так. Звонят на местную телестудию во время обсуждения городских проблем. Выступают во время встречи избирателей с кандидатами на должность мэра.

Это люди, наиболее склонные к социальному творчеству. А потому им необходимо то, что известный специалист по развитию городов Чарльз Лэндри называет творческим пространством. Мэрия просто обязана предоставить им просторное помещение, где они могут проводить свои дискуссии.

Творческое пространство должно охватывать те проблемы города, которые не удается решить администрации в течение ряда лет, от которых она отступилась или просто не замечает.

Но творческое пространство — не только помещение. Это ещё и телевизионный эфир, страницы местной газеты. На обсуждаемые проблемы важен взгляд всех групп населения: мужчин, женщин, молодых людей, подростков. Правильно сформировать дискуссионные аудитории — это тоже создать творческое пространство.

Только творческое пространство не должно превращаться в пустую говорильню и глубокомысленное обсуждение ник-

чемных прожектов. Предельная конкретность и реализуемость идей—это тоже неотъемлемая часть творческого пространства.

Творческое пространство— отличная возможность для оппозиции проявить себя в креативном мышлении и, что еще важнее, в деле.

В этом пространстве могут заявлять о себе и местные предприниматели. Должна же состояться у нас историческая ответственность, должны же снова появиться «отцы города».

Местные

Некоторое время назад в Подмоскowie мелькала организация под удачным названием «Местные». И то, чем занимались «местные», было очень симпатично. Собирали мусор, боролись с наркоманией и азартными играми... Вот только эта страсть к пиару... Ни одного доброго дела без телекамер. Гражданская активность напоказ.

Но можно ведь поставить работу совсем иначе. Без самолюбования, с полным погружением в рутину повседневной жизни. Если нам никак не удастся создать гражданское общество из взрослых, то почему не вырастить его из детей и подростков?

Пора перестать видеть в 9–10-классниках детей. Эти «дети» вполне могут выполнять работу взрослых. Пора отказаться и от заблуждения, будто подростки дорожат своим положением шалопаев. Подсознательно они тяготеют этим, потому что «бьют баклуши» только последнее столетие, даже меньше. А предыдущие тысячи лет вкалывали в поте лица своего вместе с родителями. Неужели генетика совсем убита?

Любой мэрии вполне по силам создать учебный центр и обучать там подростков строительным, столярным и другим

профессиям. Наставниками могут выступать мастера своего дела, пенсионеры. Обученных сводить в бригады и делать, например, ремонт подъездов.

Вероятно, есть смысл принять местный закон, по которому работу в муниципальном образовании, которую может выполнять 14–18-летний подросток, не имеют права выполнять взрослый житель или мигрант.

Истину «что ты отдал, то твоё» еще никто не отменял. То есть: чем больше пользы подростки будут приносить родному городу, тем больше будут любить и беречь плоды рук своих. И прирастать к родному городу делами своими— до неразрывности с ним.

Каждый малый город может целенаправленно выращивать местных патриотов, из которых в перспективе могут выйти и толковые, честные местные чиновники с инновационным видением проблем и перспектив города.

ПОДДЕРЖИТЕ ЖЕНЩИНУ

Будет ли «бэби-бум»?

По прикидкам великого Д. Менделеева нашу территорию должны населять минимум 300 миллионов. Нас сегодня немногим более 145 миллионов. То есть вполтину меньше. Значит, если мы любим свою Отчизну, если не хотим, чтобы кто-то зарился на наши просторы, надо отбить у завистников всякую охоту. Надо рожать и растить детей, и нет ничего важнее этой долговременной государственной задачи. Об этом мы должны говорить каждый день. И каждый день обсуждать, что для этого сделано. Тогда только будет «бэби-бум».

Почему-то считается, что для решения этой задачи достаточно «материнского капитала». Между тем, тут требуется комплексный подход. Свою роль должны сыграть малые города. Именно они в США рассматриваются, как инкубаторы и питомники для детей. Чистый воздух, более безопасная среда... А мы даже не начали движения к этому пониманию.

Начнем же с нетривиального взгляда на женщину.

Странное у нас государство

Отношение матерей к детям становится все более неуравновешенным. Далеко не все женщины выдерживают напряжения жизни. Всякая мать смотрит вперед: чем взрослее ребенок, тем больше он потребует. А дать больше она не может. Ее возможности не растут вместе с его потребностями. И она приходит в отчаяние. На материнскую любовь тоже требуется энергия, а ее довольно часто не хватает.

Странная у нас страна. Своего ребенка родить нерентабельно. А взять под опеку чужого — выгодно. За чужих, брошенных детей государство платит, а вырастить своего, любимого, не очень-то помогает. Не стимулирует у своих граждан желание рожать столько, сколько хотелось бы родить.

Мигранты рожают больше

Прозвучала цифра: для потребностей экономики мы должны принимать ежегодно 700 тысяч мигрантов. Сразу подумалось: если мы не будем заниматься своими матерями и их детьми, придется заниматься мигрантами и их детьми. А те рожают очень хорошо...

Проблемы наших, отечественных матерей и проблема мигрантов завязываются в один тугой узел. Складывается впечатление, что для государства безусловная ценность — его территория, а вот население... Но когда меняется состав населения, то начинают меняться и внутренние, и внешние границы государства.

Из-за дешевого мигрантского труда обесценивается труд наших граждан. Мигранта взять выгоднее, потому как у своего гражданина другие потребности. Таджикская семья живет

на деньги, на которые не может прожить численно вдвое меньшая русская семья. Тех денег, которые они зарабатывают у нас, хватает, чтобы содержать семью там. А нашим не хватает. Они там растут численно. А мы, помогая им размножаться, сокращаемся.

Горы сворачивают не все

Гражданский брак сегодня — норма. Но когда женщина говорит, что ее устраивает свободная любовь, в это трудно поверить. Это не в природе женщины. В ее природе — строить гнездо и быть любимой женой.

Главная причина гражданского брака — суровые социальные стандарты. Молодые считают, что жениться, когда хочется — опасно. Сначала нужно получить образование, обзавестись своим жильем, купить машину, открыть счет в банке.

Женщины хотят, чтобы у их детей было все. А все стоит дорого. Детский сад и школа сегодня, по сути дела, платные. Танцы, языки, музыка, спорт — все требует немалых денег.

Таков стандарт, к которому тянутся сегодня даже те, кто от него далек. Стандарт этот создан телевидением и журналами, где красочно показывается жизнь богатых. Это гипноз, устоять против которого очень сложно. В молодости энергия бурлит, кажется, что человек может свернуть горы. Но горы сворачивают далеко не все.

Молодым сейчас не до детей. Для их рождения нужно создать базу. Через десять лет база будет создана, но у всех ли смогут родиться дети? Дети должны рождаться вовремя. Если позже — у женщины уже не то здоровье. Кроме того, по статистике, у нас делается четыре миллиона аборт в год. Могли бы родиться, но были убиты в зародыше 4 миллиона граждан!

Поддержка одиноких матерей — и есть поддержка рождаемости

Женщина рождает для себя. Любовь-морковь — конечно, хорошо, но это величина непостоянная. А «мой ребенок» — это навсегда.

Почему же, в таком случае, не сменить ориентиры? Семья, конечно, это очень важно. Но это сегодня не главное. Главное для государства — женщина, способная родить ребенка. Если уж женщина хочет родить, то пусть делает это смело, без оглядки на мужчину. Пусть отцом ее ребенка станет Отечество.

Государство должно относиться к женщине с гарантией: рожай — не бойся, во всем помогу, в беде не брошу.

Должна быть государственная программа поддержки женщины-матери.

Женщина должна получать на каждого ребенка пособие, независимо от того, замужняя она или свободная.

В этом случае женщина не побоится и еще одного родить.

Кто-то скажет: а ведь некоторые будут рожать, чтобы деньги пропивать. Вполне возможно. Но действует же у нас служба опеки. Приходят и смотрят, в каких условиях живет взятый под опеку ребенок. Так и тут: должна работать социальная служба поддержки матерей.

Зато женщина перестанет бояться потерять мужа. И не будет терпеть унижения с его стороны. А мужчина будет знать, что государство всегда поддержит женщину, если он вдруг ее бросит. И многие перестанут бояться жениться и заводить детей.

При таком подходе и мужчины у нас будут другими. Нормальными, не такими замотанными. Ведь многие ездят на работу за сотни километров и дома практически не бывают — со всеми вытекающими отсюда последствиями...

А сколько у нас наркоманов, заключенных, гомосексуалистов? Вычтите их из общего числа мужчин. Сколько останется тех, от кого можно родить нормальных, здоровых детей? Очень мало. Вот их и побережем.

У нас лишены возможности иметь столько детей, сколько хотят, учителя, врачи, библиотекари, работники культуры. То есть интеллигентные женщины, способные растить подобных себе интеллигентных детей. Они должны получать поддержку в первую очередь. Потому что важно не просто вырастить, а воспитать в определенных культурных традициях.

Короче, на женщину надо сегодня ориентироваться, а не на семью. Время такое. На жен-щи-ну!

Как построить шалаши?

Растить детей удобнее не в квартире, а в своем двухэтажном доме. Именно поэтому в США появились загородные дома.

Как же быть нам? У нас эту функцию может пока выполнять старое советское изобретение — семейное общежитие. Ведь для начала молодой паре достаточно «шалаша» — комнатки и кухоньки. Конечно, желательно, чтобы маячила какая-то более радужная перспектива, но мы говорим о начале. Многие пары у нас не решаются идти в загс, боятся заводить ребёнка — только потому, что негде жить самостоятельно. Стеснять родителей не хотят, да и родители не очень этого жаждут.

Повторимся, у нас непомерно большое число аборт. Ежегодно не рождается несколько миллионов младенцев. Если на то пошло, комнату в общежитии должна получать любая незамужняя женщина, если она беременна и хочет родить, а не бежать на аборт.

Общежития можно строить по недорогой технологии ЖКХ, вернув из небытия метод народной стройки. Наконец, почему бы и государству в этом не поучаствовать?

Итак, мэры берут за правило заботиться о рождаемости, а государство считает себя обязанным помогать в этом деле малым городам. Как вам такой вариант?

ШКОЛА, ВОСПИТАНИЕ

Тема воспитания в загоне

Наши чиновники федерального уровня время от времени что-то говорят о проблемах образования, а проблем воспитания не касаются вообще, будто их не существует в природе. Будто воспитание детей в семье — это сугубо личное дело мамы и папы.

Еще реже можно услышать, чтобы какой-нибудь мэр говорил по телевизору с жителями о воспитании. Хотя поводов для такого разговора хватает. По центральному телевидению все чаще показывают сюжеты о безобразиях в провинциальных городах. То ученики что-то с учительницей сделают, то учительница с учениками...

Мастерская дьявола

Так англичане называют детское безделье. Вот почему их воспитание сводится к выработке деятельных привычек. И вот почему так трудолюбивы американские подростки. Гены.

В советское время мы особенно разбаловали детей. Устроиться на работу подростку было нереально — запрещал закон.

В государстве, где в гербе прославлялись инструменты труда — серп и молот, даже в школьных мастерских труд был в тягость.

Но вот отказались от социализма, а что изменилось? Много ли подростков и студентов моют машины, стригут газоны, разносят товары, зарабатывают обслуживанием в кафе, работают курьерами, сиделками, озеленителями, подсобными рабочими в магазинах, вожатыми в летних лагерях? Сама постановка вопроса, согласитесь, смешная. Не принято это у нас. При любом строе. В менталитет не вбито.

Родительское тщеславие

Есть у нашего семейного воспитания две крайности. Одни родители дают детям полную свободу, и те растут, как трава на обочине. Другие уверены, что должны непременно вырастить большой талант. А чаще и не талант даже, а что-нибудь этакое, чего сами родители не могут толком объяснить. Ну страсть как хочется им гордиться своим отпрыском — все равно чем, лишь бы гордиться.

Но откуда у нас это родительское тщеславие? И почему мы видим своих детей на подмостках сцены, в банковском офисе, а не в кресле мэра, губернатора, президента, то есть человека тоже известного, но который служит народу?

Воспитание девочек

«Нашей семье недостает образованной и нравственно чистой матери», — писал в конце XIX века известный педагог В. Стоюнин, специалист по воспитанию русских женщин.

К какой матери относилось это резкое суждение? Дворянской? Крестьянской? Этого В. Стоюнин, к сожалению, не уточнил.

Того же мнения придерживался историк В. Ключевский: «Несчастье русских в том, что у них прекрасные дочери, но дурные жены и матери; мастерицы влюбляться и нравиться, но не умеют... воспитывать».

Мыслителей объединяло известное соображение: «воспитывая девочку — воспитываешь нацию».

Сегодня у нас еще больше оснований спросить: откуда во-круг столько девочек, из которых вырастают никуда не годные матери? Стало почти забавой, когда одни школьницы дерут друг у дружки волосы, а другие снимают эту безобразную сцену на мобильник. Еще более частая картинка: девочки мило щебечут, пересыпая речь матом. А вот повзрослевшие подружки катят коляски с младенцами, и у каждой во рту сигарета.

А как у них?

Америка считается государством, которое гораздо чаще других в мире вмешивается в семейное воспитание. Это при их-то принципе неприкосновенности личной свободы граждан! Но никакого противоречия тут нет. Защищая детей от произвола родителей, там как раз и воспитывают в них, детях, дух личной свободы.

Но ничуть не меньше, а даже больше обращают внимание на условия, в которых проходит воспитание. В США школы холют и лелеют, соблюдая стандарты и соревнуясь в их соблюдении.

Главный стандарт — в школе должно быть так же хорошо, как и дома. Это в первую очередь проявляется в поведении учителей. Не дай бог, чтобы кто-то обидел или, тем более, оскорбил ученика. Такой педагог задержится в школе только на то время, которое требуется для немедленного его увольнения.

«Хорошо, как дома» проявляется также в работе школьного буфета. Какой бы ни была еда, она должна быть не менее вкусной, чем дома. И в буфете можно поесть в любое время, пока открыты двери школы. А открыты они до позднего вечера и по выходным дням, потому что в школе идут какие-то занятия, а какие-то кружки и секции работают даже по воскресным дням.

Другой стандарт. У американцев давно уже стала музейным экспонатом привычная нашему глазу ученическая парта. Ее заменяет удобный стул с удлиненным правым подлокотником, который расширяется и превращается в индивидуальный столик. Ученики ставят свои стулья-парты в удобные для них места перед учителем.

В классе царит уют. Это достигается, благодаря хорошим дизайнерам.

Вот в этих стандартах и соревнуются школы. Где лучше получается, туда родители и определяют своих детей. Родители даже переселяются поближе к школам с высокой репутацией.

Работа школы — в центре внимания общества

В США школы финансируют местные власти, а не министерство образования, как у нас. Святая обязанность чиновников — собрать с жителей налог 2 процента с каждой тысячи долларов стоимости дома. Если, предположим, средняя стоимость дома 80 тысяч долларов, то казна города получает от этого налогоплательщика в год 1650 долларов. Конечно, эти деньги расходуются не только на школу, но и на больницу, полицию и т.д. Но школе перепадает не так уж мало. В среднем, более 5 тысяч долларов на одного ученика. Это уж как решат... нет, не чиновники и не мэр, а сами жители. Свое процветание и будущее своих детей они связывают, прежде всего, со школой.

Школа в США — это, как правило, не отдельно стоящее одинокое типовое здание. И даже не здание со школьным двором. Это городок, архитектурный комплекс малоэтажных зданий, оборудованный для всевозможных занятий и мероприятий. И обязательно с оригинальной архитектурой. Каким быть школьному городку архитекторы решают опять-таки вместе с жителями.

Работа школы постоянно в фокусе внимания местных СМИ. Все недочеты и изъяны, как и все достижения, немедленно доводятся до сведения населения. Вопросы жизни школы объединяют мэрию с местной общественностью больше, чем какие-либо другие.

Идеологические шоры по-американски

В начале 90-х мы отменили пионеррию и комсомол. Но что предложено взамен? А ничего. На том основании, что, если мы больше не «тоталитарное» государство, то и тоталитарные (идеологические) формы воспитания нам не нужны.

А теперь посмотрим, каких взглядов придерживается американское общество. Там идеология воспитания подрастающего поколения существует уже давно. И никто ее не стесняется. Что за нелепость стесняться того, что полезно для страны? Напротив, ее проповедают.

Главный выразитель этой идеологии Дж. Дьюи предельно четко сформулировал:

1. Целенаправленное воспитание юных граждан должно начинаться в школьные годы.
2. Школа должна способствовать формированию у детей навыков общественной жизни и готовности к выполнению гражданского долга.

3. Демократия сама по себе имеет воспитательное значение.
4. Демократия должна воспитывать новых людей, общественников, пропитанных духом служения обществу.

Обратите внимание на выделенные термины. Буржуазное воспитание вовсе не отрицает целенаправленности. И на индивидуализме не зацклено. Капитализму тоже нужны общественники.

КУЛЬТУРА

Средняя культурность

Средняя культурность — термин философа И. Ильина. Это не средняя температура по больнице. Тут не до смеха, дело серьезное.

У нас не может считаться культурным человек с неполным средним образованием. А в Англии, например, — пожалуйста. Там образование может быть разным, а воспитанность примерно одинаковая. У нас же хамить может дипломированный специалист, а житель дальней деревеньки слова худого не скажет. И мы точно знаем, что хамов с дипломами, и даже на высоких должностях, у нас больше.

У нас стало в порядке вещей помочиться у машины прямо на дороге. А стоит свернуть в лесок или к водоему — ногу поставить некуда. Полный набор отходов человеческой жизнедеятельности. И это тоже сегодня — наша средняя культурность.

Личный кодекс

Так можно назвать неписанные правила поведения, которые либо выработаны воспитанием, либо не выработаны.

Этих правил совсем немного.

Не садись в общественном транспорте — всегда найдется, кому уступить место. Но если сел, не делай вид, что дремлешь или зачитался книжкой. От этого будешь выглядеть не только невоспитанным, но и подлым. И вообще, думай о том времени, когда сам станешь стар и слаб в ногах. Тогда тебе тоже не будут уступать место.

Не сиди в общественных местах, широко расставив ноги, в позе «мужского доминирования», это некрасиво и вызывающе. Лучшие заложил ногу на ногу.

Не обращайся на «ты» к незнакомому человеку или человеку, который заметно старше тебя. Не называй его по имени. Это не по-русски.

Не бросай куда попало окурок или другой мусор. Для этого есть урна. Если же урны поблизости нет, донеси свой мусор до ближайшей урны. И не устраивай помойку там, где отдыхаешь на природе.

Не справляй нужду там, где не дозволено.

Не считай за труд сказать «спасибо» и «извините». Это самый простой способ не стать негодяем.

И, может быть, самое главное: не говори матом.

Между прочим

Ф. Достоевский писал: «Народ хоть и ругается по привычке, но сам знает, что эта привычка скверная и осуждает ее. Так что отучить народ от ругательств, по-моему, есть простое дело механической привычки, а не нравственного усилия».

Есть ли у нас хоть один город, где администрация озаботилась бы этой проблемой, где мэр говорил бы с горожанами о соблюдении личного культурного кодекса?

Бедные наши исторические города

Во времена Екатерины II Торжок, причислявшийся к таким «знатнейшим» городам России, как Великий Новгород, Ярославль, Владимир, Рязань, был архитектурным полигоном. Прежде чем что-то перестроить в Санкт-Петербурге, перестраивали здесь. Здания, в модном тогда стиле классицизма, возводили по проектам лучших архитекторов той эпохи — Карла Росси, Николая Львова, Петра Никитина.

В 1992 году памятники архитектуры были разделены на три категории: федерального значения, областного и местного. За первыми призваны следить историко-этнографические музеи, подчиняющиеся Министерству культуры. За вторыми — областной комитет по охране историко-культурного наследия. За третьими — муниципалитеты. Соответственно распределено и финансирование.

У городских музеев отобрали даже те здания, которые трудно использовать, как культовые. При этом сама Церковь, самым что ни на есть богоугодным делом — восстановлением храмов, практически не занималась. Больше того! Первое, что сделали новые русские монахи, вселившись в отреставрированный музейными работниками Борисоглебский монастырь, — построили себе баню с бассейном, пробив в стене (без разрешения археологов) трубы, повредив при этом средневековые постройки.

А чем занимался работавший в Торжке представитель областного комитета по охране историко-культурного наследия? Его работа сводилась к получению максимально высокой платы за аренду более 100 зданий, имеющих историческое значение. Из-за непомерных цен некоторые арендаторы съезжали, а новых не находилось. В результате, здания ветшали быстрее, чем, если бы ими кто-то пользовался.

Что же осталось муниципалитету? Только самые незначительные памятники истории и архитектуры, которые стоят по периметру исторического центра города.

Как же так получилось? Почему основной ценностью Торжка владеют центр и область, а не он сам?

Слишком много подозрений

Мэр Торжка Нина Пушкина: «А потому что наверху считают нас детьми неразумными. Сами со своими историческими ценностями не справимся. А еще, наверное, думают, что злоупотребим доверием, если нам все в руки передать. А вдруг будем сдавать здания в аренду и пополнять таким образом местный бюджет. Власть малого города постоянно под подозрением. Как бы не стала слишком денежной».

Практика латания дыр

Нина Пушкина: «Нет, государство не стоит совсем уж в стороне от этой проблемы. Мы, например, выиграли конкурс на реставрацию дома городничего. Но что значит восстановить один дом, когда десятки окружающих зданий пребывают в жалком состоянии? Это не решение вопроса. Нужно выделять деньги не на восстановление конкретного объекта, а на всю программу сохранения исторического наследия.

Нужна другая законодательная база. Администрация должна получить исторические здания в центральной части города в свое ведение. А вместе с ними и землю. Что-то созидать можно только на своей земле. Если федеральный центр и областная власть хотят принимать участие в спасении старины — ради Бога. Но давайте распишем все правила сотрудничества

с муниципальным образованием по принципу взаимного уважения и равной ответственности за судьбу исторического наследия.

Торжок может осваивать за год сумму, равную трети годового бюджета. Такие деньги вызвали бы местный бум производства стройматериалов, лаков и красок, в деревообработке, мебельной промышленности, строительстве и ремонте дорог, в автоперевозках. Ну и, конечно, в реставрационных и строительных работах. Сотни разъехавшихся по крупным городам специалистов вернулись бы в Торжок. То же самое произошло бы и в других малых городах, попади они в такую программу развития».

КОРРУПЦИЯ

Безденежье казнокрадству не помеха

По статистике, взятки в России берет каждый третий чиновник. Как уж это подсчитано — одному Богу известно.

Другая статистика уточняет: муниципалитеты входят в первую тройку самых коррумпированных уровней власти. А как же пресловутое безденежье? А, видно, одно другому не мешает. Это бюджет полупуст, а кошельки мэра-ловкача и его приближенных всегда набиты туго.

Контакты и соблазны

Самые крутые местные предприниматели начинают искать подходы к будущему мэру задолго до избирательной кампании. Предлагают поддержку, пытаются всучить сувениры, выясняют слабые места. Если слабых мест нет и подарки не берет, хорошим результатом считается простое установление контакта.

Будущий мэр может не принять подношений, а что касается контактов, то он сам в них заинтересован. Как ни крути, одна из первых его задач — наполнение городской казны

за счет местных налогов, львиную долю которых вносят как раз предприниматели. То есть, вынуждая мэров заниматься развитием местного бизнеса, государство невольно заставляет их ходить по лезвию. Ну, как можно сотрудничать с богатеями и при этом избегать неформальных отношений с ними? Чем тогда стимулировать их к взаимовыгодному сотрудничеству? Не дружить с нами, считают богатеи, себе дороже. И всегда находят способы доказать, что это так и есть.

Ситуация усложняется еще и тем, что для осуществления важных для города проектов, мало одних налогов от местного бизнеса. Мэру нужно, чтобы предприниматели вкладывали еще какие-то деньги. Называется это «ходить с шапкой по кругу». Тоже сомнительное и рискованное занятие.

«Свои люди»

Коррупция в малом городе порой как бы даже и не коррупция, а обмен услугами. По-другому как-то не получается. Всюду «свои ребята», все друг друга знают или имеют общих друзей и знакомых. «Ты для меня сделал это, я тебе буду должен, и сделаю то». Для того, чтобы что-то получить или кого-то выручить, не обязательно совать деньги. Достаточно сказать: буду должен. А если услуга мелкая, просто «накрыть поляну».

Взаимные услуги часто эквивалентны деньгам. И пусть это не очень большие деньги, но люди-то знают! В малом городе все знают всё о каждом. А те, кто на виду, вообще, будто под микроскопом. И это знание, что все берут или могут взять, создает соответствующую атмосферу.

Расстановка на ключевых постах своих людей — технология старая, как мир. Про нее говорят то же, что и про демократию. Мол, есть свои минусы, но ничего лучше еще не придумано.

«Лучше» — значит, удобнее. Управлять просто удобней, если кругом свои люди. Это избавляет большого начальника от страхов за состояние дел и свое положение. Конечно, «свои» тоже могут подставить. Недаром говорится, что предадут только «свои».

Предложения от ближайших и дальних родственников, от друзей и однокашников большой начальник начинает получать сразу после назначения. Чаще всего, это не его инициатива, но как не «порадеть родному человечку»? Об этом еще А. Грибоедов писал.

Хотя, безусловно, начальник не может не думать при этом о своей выгоде. Если этот «человечек» — бестолочь, то какая от него польза? Начальник заинтересован в том, чтобы его окружали профессионалы. Но «свои»-то чаще всего как раз и не отвечают этому требованию. Если они профи и их где-то ценят, они не станут перебегать к родственному начальнику. Во-первых, от добра добра не ищут. А, во-вторых, свойский спрос может быть и хамским. Какому уважающему себя профессионалу это надо?

Иными словами, «свои люди» — это чаще всего люди, которых нигде особенно не ценят, а они не всегда стоят того, чтобы их ценили высоко. И потому работать под началом родственного начальника для них — редкий шанс получить теплое местечко, и не особенно выкладываться.

Кумовство имеет свою структуру. Предположим, градоправитель ставит во главе департаментов (или отделов) своих людей. А они в свою очередь — своих. Ну и так далее. Но чем больше в мэрии таких «своих» разных уровней, тем больше мэрия представляет собой сообщество людей, связанных друг с другом всего лишь родственными и дружескими узами, а не стремлением служить делу и людям. И где эти узы, там

обязательно затирают тех сотрудников, которые не входят в этот круг. «Не свои», какими бы хорошими работниками не были, чувствуют себя непрочны. Угроза увольнения по оговору или потому, что занимаемое ими место понадобится кому-то из «своих», висит над ними дамокловым мечом. А если допускаются какие-то злоупотребления, то действует уже круговая порука. Где «свои», там обязательно в ходу лозунг «своих не сдаём». И тогда в городе говорят о мэрии: «Они там одна «шайка-лейка».

Радение «родному человечку» никак не позволяет ставить интересы и результаты дела на первое место. Потому и перемены к лучшему у нас такие медленные — не хватает у «своих» ни профессионализма, ни служебного рвения. Нет для этого стимулов.

Не бывает власти без злоупотреблений

«Родина требует служения настолько чистого, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует работу».

Так писал о себе П. Столыпин. Читается, как покаяние человека, испытавшего нехорошие соблазны.

«Всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею», — писал Ш. Монтескьё, а уж этот знаменитый француз был очень тонким психологом.

Но это общее суждение. А вот частное, куда более конкретное. Читаем в воспоминаниях С. Витте: «Курлов, назначенный товарищем министра внутренних дел Столыпина по управлению полицией, с полной бесшабашностью тратил казенные деньги... Нужно сказать, что в этом отношении ему подавал пример его прямой начальник Столыпин, который

также казенные деньги тратил на жизнь и на такие предметы, которые никто из его предшественников на казенные средства не относил».

Столыпин у нас считается многими образцом служения России. Мы как бы забыли про «галстуки», то бишь виселицы Петра Аркадьевича, про его связи с мракобесами из «Союза русского народа». Помним только его фразу «Вам нужны великие потрясения, нам — великая Россия», сочиненную, кстати, не им, а его секретарем И. Гуляндом.

И как не верить честнейшему графу Витте... Уж он-то слова худого ни про кого не написал, не имея на то оснований и доказательств. А если читатель все же сомневается, то вот текст записки Столыпина министру юстиции И. Щегловитому, в которой он просит за товарища по гимназии: «Не двинете ли Вы его в председатели суда? Это будет верный вам человек. Преданный Вам».

Коррупция — порок подражательный

Похоже, существует закономерность, которую можно сформулировать примерно так. Всякий нижестоящий начальник начинает брать подношения и взятки обычно тогда, когда точно знает, что этим занимается его вышестоящий начальник.

Помнится, в правительстве Московской области министром финансов работал некий Киселев, позже сбежавший за границу, прихватив несколько миллиардов рублей.

Один только губернатор Подмосковья не замечал проделок своего министра, а мэры-то уж точно знали. И даже мысли не допускали, что министр Киселев ворует без прикрытия. Не удивительно, что именно в то время мало какой мэр в Московской области не запускал руку в бюджет «своего» города.

Отчего бывает недофинансирование

Мэры любят пожаловаться жителям, что губерния зажимает денежки. Часто эти стенания, рассчитанные на простаков, можно услышать в прямом эфире местного телевидения. И многим, даже неглупым людям, невдомек, что губернатор просто хорошо знает их мэра. И финансисты знают, какому мэру можно дать денег, и он точно отремонтирует дороги, а какому — ни за какие коврижки, как бы он ни ластился.

Редкая форма коррупции

Года этак за три до обрушения советской власти появилась в городе N (назовем его так по старинке) некая Цепнева. Настоящая фамилия, конечно, другая, но пощадим ее внуков. Приехала из Средней Азии, где, судя по диплому, закончила хоровое отделение «кулька», то есть института культуры.

Красивая и раскованная, она легко вписалась в местную, советскую еще элиту, и через год, благодаря связям, ловко подсидела директрису музыкальной школы, усевшись в ее кресло. А еще через два года, когда страна вступила в дикий капитализм, объявила в узком кругу: «Ребята, пришло наше время».

Часть здания школы Цепнева сдала в аренду местному отделению крупного банка, деньги пустила, в частности, на мелкий подкуп. Никого не обнесла, ни мэра города, ни городской отдел культуры, ни отдел культуры областной администрации. Все, кто мог проверить ее работу, оказались «на крючке». Теперь она могла приступить к осуществлению своего плана «приватизации школы».

Преподаватели-любимчики Цепневой, молодые и бесталанные, стали проходить по документам, как работающие на 3–4

ставках. Все в школе понимали, что это невозможно физически, но помалкивали, боясь потерять работу. Все знали, что Цепнева кладет большую часть липовой зарплаты себе в карман, но попробуй докажи. Те, кого она вовлекла в этот «бизнес», как в рот воды набрали.

Но то была всего лишь пробная афера. Убедившись, что номер проходит, Цепнева пошла дальше. В ведомости на получение зарплаты появились фамилии преподавателей, которых никто в глаза не видел. Числом этак около десятка. Расписывалась за этих невидимок «здоровая часть коллектива». Так Цепнева стала называть тех, кто участвовал в ее махинациях. Тех же, кто пробовал возмущаться, директриса называла теперь не иначе как «свора».

В школе появились комиссии от администрации города и областного отдела культуры. Первоначально подарки сработали только отчасти. После проволочек уголовное дело все же было возбуждено. Но следователь поступил опрометчиво — предъявил Цепневой уличающий ее документ, а потом вышел из кабинета. То ли не мог допустить, что директриса музыкальной школы может повести себя, как матерая уголовница, то ли подарки все же сработали, и кто-то подействовал на следователя. Короче, Цепнева воспользовалась моментом и выдрала из уголовного дела убойный для нее документ. Одновременно исчезли из центральной бухгалтерии города ведомости на зарплату. А прокурору города, который пытался способствовать нормальному расследованию, Цепнева лично пригрозила, что наймет отморозков, которые займутся его детьми.

Следствие было остановлено ввиду отсутствия состава преступления. Несколько преподавателей, в знак протеста, уволились, их силы в борьбе с директрисой были исчерпа-

ны. Оставшуюся «свору» Цепнева добила морально, заявив открытым текстом на педсовете: «Никто никогда ничего не докажет».

Нужно сказать горькую правду. Большая часть преподавателей не выступала против Цепневой, и этот нейтралитет был ничем иным, как молчаливой поддержкой. Если в человеке была какая-то нехорошая черта, Цепнева обязательно ее нащупывала и находила ей применение. Самой распространенной нехорошей чертой была бездарность.

Убедившись, что сопротивление сломлено, директриса пошла дальше. Число «невидимок» выросло за счет фиктивных уборщиц, вахтеров, дворников. В этой роли выступали родственники представителей «здоровой части коллектива».

Ей помогал своими советами заместитель по безопасности, юрист по образованию, бывший сотрудник КГБ.

Сколько же денег ежемесячно высасывалось из областного бюджета? Для этого нужно учесть не только заработную плату «невидимок», но и премиальные. Нужно также учесть, что зарплата музыкальных педагогов гораздо выше, чем у школьных учителей. В целом, суммы вырастали в сотни тысяч рублей ежемесячно.

Но никаким денежным ущербом не измерить ущерб моральный. Самые способные и талантливые педагоги затирались. По той же симметрии самые талантливые дети попадали при поступлении к бездарным преподавателям, а талантливые мучились с бездарями. Цепнева не просто приватизировала школу, она превратила ее в перевернутый мир.

В конце концов, от ее тиранства и жадности устали все. Но она не сдавалась. «Вы вынесете меня отсюда только вперед ногами», — заявила Цепнева. Мэр предложил ей за добровольное увольнение «золотой парашют» — полмиллиона рублей.

Получалось, что теперь ее подкупали. И она не устояла — взяла и ушла на покой. Во время увольнения пытались найти в отделе кадров ее диплом. Диплом исчез.

А через год в муниципальной газете появилась зарисовка местной журналистки о Цепневой, где на разные лады перепевался восторг, какой замечательный она человек...

О, ЭТИ НАШИ ЗАКОНЫ!

Где доверие верхов низам?

Загадочная фраза Михаила Сперанского: «Коренные государственные законы должны быть творением народа»... А ведь кому было сказано? Императору Александру II. И тот не стал возражать.

Сейчас у нас не самодержавие а демократия. Но какой закон за последние 20 лет предложили Государственной Думе жители какого-нибудь малого города и Дума его рассмотрела? Трудно припомнить.

Демократия—это когда верхи доверяют низам руководство своей жизнью. Есть ли это доверие у нас? Теоретически, да. А практически?

Психологический закон государства

Нет у нас более самостоятельной власти, чем власть муниципальная. По закону, она даже не входит в систему государственной власти. Зачем так сделано? Какой в этом смысл?

На этот счет есть разные толкования. Якобы закон прописан таким образом, чтобы люди все вопросы местной жизни реша-

ли сами, не дожидаясь, когда о них позаботится вышестоящая власть, ибо им виднее, что нужно для своего цивилизованного жизнеустройства.

И действительно, на каком еще уровне людям проще организовать и что-то сделать для самих же себя, если не на уровне муниципальном?

И муниципалитеты принимают свои местные законы, иногда нелепые и противоречащие федеральному и региональному законодательствам, но чаще всего здравые и отвечающие интересам населения.

Муниципальные газеты, печатая нормативные акты целыми страницами, неплохо этим кормятся, а местная власть просто вынуждена тратиться, потому что любой акт считается действующим только с момента опубликования.

Подсчитано, в результате местного, регионального и федерального увлечений законотворчеством, каждый муниципалитет должен руководствоваться примерно 2 тысячами нормативных актов.

Это какая-то правовая шизофрения. Сколько раз на все лады сказано: законов должно быть немного, но все они должны неукоснительно выполняться. Это психологический закон нормального государства.

Так мы нормальные или ненормальные? Попробуем выяснить.

Поджигатели сильнее государства?

Два элементарных примера. Ежегодно весной в Сибири и на Дальнем Востоке горят тысячи гектаров леса, порой выгорают целые поселки. Ущерб колоссальный. Причины две — люди жгут прошлогоднюю траву и, бывая в лесу, оставляют не залитые водой костры.

Нужно ставить посты на дорогах. Создать из числа жителей экологические патрули, которые бы осматривали окрестности лесных поселков. В особенности, если синоптики предсказывают сильный ветер.

Но никто этого не делает.

Другая причина — лес специально поджигают продавцы древесины. Ну и что? Так уж трудно их установить? Наверное, трудно, если они связаны с местной правоохраной или даже местной властью. Но почему нигде не пишется и не говорится, как с этим борется вышестоящая власть? Почему не принимаются законы, направленные на предотвращение ежегодных колоссальных пожаров?

Вялотекущее самоубийство

И другой пример. Уже не сибирская даль, а центральная Россия. Здесь серьезная проблема — мусор, который люди вываливают там, где им заблагорассудится. Безобразия это унижает нас в собственных глазах. А если кто-то поджигает мусор — горит пластик, и ядовитый дым поднимается в атмосферу. Значит, есть еще и ущерб здоровью.

И что же местная власть? Ситуация ничем не лучше, чем в далекой Сибири. Законы принимаются, но практически никто не следит за их выполнением.

И никто, ни один уровень власти (!), ничего не делает для того, чтобы заставить людей исполнять законы. На что это похоже? На вялотекущее политическое самоубийство. Ибо ничем государство не может так убивать себя, как потворствуя неисполнению законов.

Законы, искоряющие крестьянство

Тему продолжает Михаил Унашотлов, директор СПК «Трубецкое» в деревне Алекино Тарусского района: «Сегодняшние методы искоренения крестьянского труда эффективнее репрессий 37-го года. Назову самые страшные ошибки, которые совершены против села. Первая—это свободная, без ограничений и оговорок, продажа земель сельскохозяйственного назначения. Многие, помнится, бились против этого, но верх взяли те, кто либо вообще не знает, как устроена жизнь на селе, либо те, кто продавил вредный закон совершенно сознательно.

Если бы с сельскохозяйственного труда можно было иметь хорошие прибыли, тогда мало кто спешил бы продавать свои паи. Но рентабельность у нас максимум 25 процентов. С учетом расходов—это мизер. Вот почему паи стали продавать. И стала уходить самая лучшая земля. В самых красивых местах.

Мне удалось уговорить больше 400 человек не продавать свои паи. Я сохранил в «Трубецком» 80 процентов земель. И многие сегодня на меня обижаются: мол, могли продать с выгодой. А все мои слова о том, что зато землю сохранили, встречаются с насмешкой. То есть, даже у крестьян сознание сегодня не крестьянское. Продать хорошую землю для них—никакая не глупость, никакое не предательство земли-кормилицы, а просто выгодное дельце. Выгодное на сегодняшний день. Одни могут купить машину или обновить дом. Другие—полгода беспробудно пить, а что дальше? Люди не смотрят далеко вперед.

Землю у нас в России продают, в основном, дачникам. И если этот процесс не остановить (еще не все продано),

удобной для крестьянского труда земли останется немного. И если даже государство начнет поддерживать сельского товаропроизводителя, производить ему будет не на чем.

Ошибка вторая — приватизация жилья на селе. Цены пошли вверх, и люди стали продавать дома и квартиры, построенные когда-то за счет колхозов и совхозов. Пишет человек заявление — прошу уволить. Как тут отказать? Нет оснований. Человек увольняется и продает приватизированное жилье. Где потом живет? А кто где. В основном идут на ухудшение жилищных условий. Покупают дома похуже или квартиры поменьше. А “выручку”, чаще всего, пропивают».

Крестьянин — уже не соль земли

Михаил Унашхотлов продолжает: «Я вырос в крестьянской семье. И поэтому, вы уж меня извините, многое вижу иначе, чем наши министры и законодатели. И так вам скажу: у нас все делается для того, чтобы крестьянин ушел с земли. Не обязательно в город. Просто ушел. Например, вскапывать землю под клубнику дачникам. Или сторожить по соседству чьи-то хоромы. А существует закономерность: тот, кто поработал на стороне более-менее длительное время, обратно к крестьянскому труду уже не возвращается. Хоть миллион плати, не пойдет. Душа уже не та. Так изводится целое сословие, на котором когда-то держалась Россия. Сегодня крестьянин — уже не соль земли.

Во Франции даже горожане приводят детей на сельхоз-выставки. Дети глядят животных, любят ими. Вот там крестьянин до сих пор — соль, хоть он, может быть, не француз, а араб. Кто знает, может, через сколько-то лет у нас спохватятся и начнут посылать на возрождение села городских.

Могу сказать, кто приживется. Учитель, врач, библиотекарь, культработник. Но не телятница и не комбайнер.

В Израиле меня утешали: ничего страшного, просто Россия сворачивает на тот путь, которым в мире уже идут. Мол, таковы современные тенденции. Использование современной сельхозтехники и технологий позволяет 1,5 процента населения прокормить всю страну. Например, картошку и морковку из маленького Израиля, который меньше Калужской области, можно купить в любом супермаркете Москвы и Питера. И сладкие помидоры там выращивают на солонцах, а пшеницу вообще в пустыне Негев.

Может, и так. А кто же этим занимается в Израиле? В основном, тайландцы. И в других странах на земле работают, главным образом, мигранты. В Германии — турки и курды, во Франции — арабы, в США — мексиканцы. Но что для Запада не так страшно (хотя как сказать, последствия могут быть очень неприятными), то для России смерти подобно. Вспомним, что происходило с нашими северными народностями, когда их стали лишать возможности жить, как жили предки. Примерно то же происходит сегодня и с русским человеком, живущим на селе».

ЧИСТОТА

Памятник дворнику

Во Владимире поставили памятник. Нет, не «человеку с ружьём» — человеку с метлой. Дворнику. И это очень правильно. Каждый человек, считающий себя гражданином и патриотом, должен уметь держать в руках не только автомат, но и метлу. Это памятник войне за чистоту, которая нам предстоит.

У нас практически вся страна требует генеральной уборки. И мы перестали нетерпимо и брезгливо относиться к грязи.

...Подмосковный город, дорога к церкви. По обеим сторонам все замусорено. Но этого в упор не видят прихожане и священники...

...Праздник «День города». Массовое гулянье. Кругом лотки с напитками, едой. Выпили, закусили и тут же бросили себе под ноги и тару, и обертки...

...Лето, жаркий день. Люди располагаются на берегу водоема. Кругом мусор, нечистоты. Нет, чтобы прибрать. Жарят шашлыки прямо среди помойки. А оставляют после себя ещё гору мусора и пищевых отходов.

Причем, что особенно обидно: вполне нормальные люди.

Сегодня в моде — жить, как советуют психологи. А они советуют: «Если вам чего-то не хочется делать — не делайте!»

«Почему я должен нести свой мусор к урне? Зачем мне эти лишние хлопоты? Мою банку из-под пива приберут те, кто за это деньги получает».

В Москве есть Академия коммунального хозяйства. Академики давно должны были придумать, как сделать так, чтобы кому-то выгодно было собирать мусор. И чтобы кому-то было так же выгодно этот мусор перерабатывать и превращать в изделие, которое кто-то мог бы пустить в дело. На Западе придумали — мы не можем.

Порча природы — преступление

Швейцария считается эталоном чистоты и ухоженности. Но это не всегда было так. В 60-х годах, когда началось массовое производство разнообразной тары и упаковок из полиэтилена, там тоже появилось множество помоек и свалок. Потребовалось лет десять, чтобы швейцарский народ понял, что так продолжаться не может.

Началась борьба за чистоту, сначала на муниципальном и на кантональном уровнях. Причем, это движение было организовано не государством, а самими гражданами. Благодаря их законодательным инициативам были установлены строгие штрафы, всюду появились предупреждающие таблички. В борьбу была привлечена правоохранительная система. Любое посягательство на чистоту окружающей среды расценивалось как преступление.

Если где-то обнаруживали пакет с мусором, туда немедленно выезжали криминалисты, исследовали содержимое и находили зацепки, по которым устанавливали нарушителя.

Ну, а затем слово было за судьей, который, как правило, не принимал никаких оправданий.

Сегодня в реках и озерах Швейцарии вода кристальной чистоты. Но для того чтобы привести водоемы в это состояние понадобилось около 30 лет. Сколько же потребуется нам?

Ведь Швейцария никогда не страдала от тотального замусоривания. Жилые массивы и места загородного отдыха людей оставались чистыми. У нас же мусор всюду, где есть люди, и даже там, где они бывают только изредка. И отношение к контролю у нас иное. Мы запросто можем проигнорировать не только замечание, но и штрафную санкцию. Немного найдется у нас и криминалистов, которые будут наводить следствие — устанавливать владельца брошенного у дороги пакета с мусором.

Такой близкий Сингапур

Один австрийский писатель написал однажды: «От своего города я требую: асфальта, канализации и горячей воды. Что касается культуры, то культурен я сам».

Почему мы рассмотрим опыт Сингапура? Люди там, как и мы, тоже не возводили порядок в культ. Поэтому порядок там пришлось насаждать драконовскими методами. И мы любим крайние меры. В Сингапуре строгости, в основном, проявляются в огромных штрафах. И нас могут держать в рамках только большие штрафы.

В одном лишь пункте мы с Сингапуром не совпадаем, из-за чего, наверно, могут возникнуть трудности в распространении у нас этого уникального опыта. Требуются неподкупные штрафователи.

Но давайте сначала о самих штрафах и, что еще важнее, о психологии штрафования.

Психология штрафования

Бросили на улице любой мусор: окурок, спичку, обертку от конфеты, даже покروшили голубям хлеб— извольте заплатить от 500 до 1000 сингапурских долларов.

Дороговато, потому как средний годовой заработок сингапурца 34 тысячи долларов. 1000 их долларов— это наши 24000 рублей. Вот и считайте.

Почему нельзя даже голубей покормить? Потому, что птица может не склевать корм, а крошки хлеба останутся. И потому, что разрешение это противоречило бы вырабатываемому у граждан Сингапура рефлексу— никогда ничего не бросать на землю или асфальт. Вот почему мы говорим о психологии штрафования!

На улицах там редко можно увидеть полицейского. Кто же следит, чтобы люди не бросали мусор? Телекамеры. Они практически повсюду, как видимые, так и скрытые.

У нас хватает любителей что-то сломать в лифте, покурить там или еще хуже— справить малую нужду. Но у нас эта мелкая гнусность обычно остается безнаказанной. А вот в Сингапуре этот номер не пройдет. В лифтах установлены датчики влажности и скрытые камеры. От них идет сигнал к дверям, и безобразник попадает на месте преступления— двери лифта блокируются.

Особенно свирепо преследуется жевательная резинка. Даже простое ее хранение приравнено к хранению наркотиков. Плевок на тротуар тоже стоит очень дорого— 500 долларов. Не спустил воду в общественном туалете— 1000 долларов.

Мусор, оставшийся после пикника, нельзя ни оставлять, ни закапывать. Только уносить (увозить) с собой и выбрасывать в отведенных местах. Нарушили— извольте выложить 1000 долларов.

С сигаретой в зубах вы там по улице не пройдете. Нет, можно, конечно, но за штраф в размере 1000 долларов.

Для иностранцев и несознательных граждан всюду висят веселые картинки, которые показывают, что их ждет, если они поведут себя, как им заблагорассудится.

И ведь научили чистоте 4,5-миллионный город! Справедлива шутка — все живое поддается дрессировке.

Ну, а как же мы? Получится ли что-то у нас, если мы надумаем перенять сингапурский опыт?

А вот тут возникают сомнения. Про полицейских мы уже сказали. Прежде чем научить их взимать с нас драконовские штрафы, нужно научить их не избавлять нас от штрафов, взимая с нас отступные. А тут никакая дрессировка не поможет. Вот если поручить надзор за чистотой в городе какой-то структуре энтузиастов или даже дружинникам, тогда вполне может получиться.

Коммунальная проблема — отчасти политическая

Почему нам так важен пример Сингапура. Это опыт наведения чистоты не только на улицах, но и в душах людей. Одно с другим связано неразрывно! Наводя порядок на улицах, люди уже не могут мириться с беспорядочностью своих дел. То, что в Сингапуре практически полностью изжита мелкая и крупная коррупция, говорит именно об этом.

Бытовая культура — это не только коммунальная проблема, как мы привыкли считать, но и политическая. Граждане западных стран, которым приходилось ездить по царской России, видели в городах грязные улицы и помёт лошадей и гусей. И хотя нельзя было не заметить великолепных церквей и добротных особняков, в своих заметках путешественники отме-

чали именно грязь. И в этом была политика. Такими глазами на нас смотрела вся Европа, считая нас народом, не способным навести порядок в собственном доме.

Но! Наши люди тоже бывали в Европе, в том числе государи императоры. Однако, после возвращения в свою страну, словно не видели и не стыдились контраста. Да что императоры! Прочтите наших публицистов тех времен. Об этом — ни слова! И наши священники этим не занимались, тогда как европейские духовные лица сыграли огромную роль в воспитании у своих прихожан бытовой культуры.

Даже самые прогрессивные наши деятели не придавали значения тому, как мы живем, то ли не считали это темой, достойной обсуждения, то ли считали бессмысленным занятием призывать народ к европейской культуре. Но при этом вздыхали при упоминании Европы: «Живут же люди!» И мы сегодня вздыхаем.

Живущие в чистоте живут дольше

Когда «отец Сингапура» Ли Куан Ю «почистил» чиновничество и город-республику в целом, средняя продолжительность жизни в Сингапуре выросла до 80 лет. На 14 лет живут там дольше, чем мы.

Вот ведь какая штука выясняется: жить в чистоте — это значит, жить долго.

Город Волжский: мы тоже можем!

Но не все так плохо и безнадежно у нас. Об этом убедительно говорит пример города Волжского, что в Волгоградской области.

Кругом голая, выжигаемая солнцем степь, а этот город утопает в зелени. Пирамидальные тополя, высоченные ели... И 2 тысячи клумб! Столько же, сколько в 12-миллионной Москве. За эти клумбы город получил на Международной выставке цветочного оформления и ландшафтного дизайна золотую медаль.

Санитарка Татьяна Андреевна Осипова живет на окраине, в многоэтажном доме. Под ее окнами цветник из 153 (ста пятидесяти трех!) видов цветов. На лестничной площадке и площадках между этажами картины, опять же цветы, половички. Чистота неправдоподобная. Глаза невольно ищут спички и окурки — напрасно. Здесь не сорят. Цветы под окном воруют, это бывает. Вот и недавно герань украли. Но чаще у подъезда фотографируются. В основном, подростки.

Самое интересное — Татьяна Андреевна не одна такая чужачка в 320-тысячном Волжском. Таких около 3 тысяч. И подъезд такой не один. Таких 650.

Волжский был ухожен всегда, но в десятилетие между 1990 и 2000 годами красота города стала блекнуть. Ставший к тому времени мэром 37-летний Игорь Воронин огласил свое кредо: «горжусь прошлым, живу настоящим, верю в будущее». И на первой же пресс-конференции призвал горожан вспомнить, что их дом — не только квартира, не только подъезд, но и весь город. И все они, живущие в Волжском, одна большая семья.

Нового мэра услышало, прежде всего, старшее поколение. Были в советское время председатели горисполкомов и партийные секретари, которые изводили горожан «чистыми пятницами», субботниками, воскресниками и прочими полупринудительными общественными работами. Поначалу люди чертыхались, а потом, видя, как преобразается город, понимали, что «обязаловка» имеет свои приятные результаты. Первые год-два метлы и лопаты по пятницам и субботам были

таким же привычным делом, как умывание по утрам. А потом начальство все реже выводило людей на улицы, потому как стало чище. Изменилась психология — меньше стали сорить.

Что-то похожее произошло, начиная с 2001 года, и в Волжском. Только работа с населением стала более системной. Что удивительно, к уборке города и берегов Ахтубы подключалась в основном, молодежь. Именно ее и хотели «заразить» любовью к порядку. И это удалось.

С каждым годом участников этих конкурсов становилось все больше. Хотя у многих временами опускались руки. То жара, несмотря на полив, сжигает растения. То высаженная вчера рассада оказывается сегодня на чьих-то дачах. И приходится сажать заново. Требовались терпение и вера в то, что те, кто ворует красоту, рано или поздно остановятся. Победила санитарка Татьяна Андреевна Осипова и сотни других энтузиастов красоты.

МЕСТНАЯ ПОЛИЦИЯ

Власть — наесться всласть?

Есть очень простой способ узнать, насколько избалованы местные полицейские взятками. Достаточно спросить, где в вашем городке можно хорошо поесть. Где-то начнут чесать в затылке. А где-то, не задумываясь, покажут заведение, где в обеденное время вы обязательно увидите полицейских. Государство сейчас неплохо им платит, но это вовсе не означает, что рассчитываются они наличными. И это не значит также, что заведение очень от этого страдает. Страдают кошельки других посетителей...

Полиция у нас подчинена по вертикали, но неизменно отождествляется с «горизонтальной» местной властью. Если полиция нечиста, люди считают, что в этом виновата мэрия. И это не какой-то сбой в сознании. Это, в самом деле, так. Хороший мэр не будет терпеть на своей территории хапуг в погонах. Всегда найдет способ добиться смены полицейского начальника и назначения порядочного человека. То есть: если вы увидите среди завсегдатаев кафе или ресторана полицейских, вы можете сделать кое-какие выводы и в отношении местной власти.

Проблема безопасности — первостепенная

Многие мэры малых городов считают проблему безопасности граждан и местного бизнеса первостепенной. Будь у них финансы, они бы завели свою муниципальную полицию. Так, по их мнению, было бы надежнее.

Интересен в этом смысле пример США. Всего два-три поколения назад американцы давали взятки полицейским, уличались в коррупции и судьи, а на местных выборах побеждали ставленники мафии.

К 1970 году прошлого века доверие граждан к полиции опустилось до 20%. Надо было что-то делать. Идеологом реформы стал федеральный судья, некий Уитмен Кнапп. Он предложил децентрализовать полицию по территориальному признаку и законодательно закрепить ответственность полицейских начальников, повышение зарплаты и социальные гарантии в случае гибели или потери трудоспособности полицейского. Был резко ужесточен отбор в полицию и созданы контролирующие гражданские органы, получившие право проводить собственные расследования правонарушений, допускаемых полицейскими.

К 2010 году доверие к полицейским в США повысилось до 75%. У нас, если верить статистике, уже достигло 60%. Вполне возможно, но кто считал?

Кто будет штрафовать?

Мысленно перенося сингапурский опыт на нашу почву, испытываешь только одно сомнение. А кто у нас штрафовать будет, не входя ни в чье положение, только по закону и таксе, неподкупно? Или нам еще и над штрафователями сторожей надо ставить?

Если мы говорим только о муниципальном уровне, то напрашивается одно решение — штрафователей должны избирать местные жители. И это должны быть муниципальные полицейские.

В некоторых европейских странах, в частности, во Франции, реформа муниципальной полиции в 90-х годах прошлого века, проводилась, прежде всего, для борьбы с угрожающе возросшим загрязнением окружающей среды. Только там эта борьба не перепоручалась всецело муниципалитетам. Коммуны — муниципальные образования — проводили диагностику состояния экологической преступности и заключали социальные контракты с МВД. Полицейские боролись с загрязнением окружающей среды — коммуны эту работу оплачивали. Но и требования, можно не сомневаться, были ого-го какие.

У нас самое крупное подразделение муниципальной полиции действует в Ижевске. Конечно, для малых городов это не очень убедительный пример. Все-таки Ижевск — город большой. И все же опыт, который там накоплен, может представлять интерес и для малых городов. Возьмем цифры. Экологические и административные штрафы, исчисляемые миллионами рублей, удваивают обычные поступления в городской бюджет Ижевска.

А теперь возьмем более подходящий город — Златоуст. Там муниципальная полиция действует по территориальному принципу, тесно взаимодействуя с председателями КТОСов, старшими домов, участковыми уполномоченными. И по их сигналам выписывает и взимает штрафы, реагируя ежемесячно в среднем на 100 правонарушений.

Но было бы странно, если бы мы ограничивали компетенцию муниципальной полиции одними только рамками борьбы с нарушением правил благоустройства и экологическими

правонарушениями. Эта чисто народная структура вполне может бороться и с мелкими уголовными преступлениями.

Выводы

Вывод первый: муниципальная полиция малого города вполне может содержать себя, тем более, что город вправе определять ее численный состав.

Вывод второй. Функции федеральной и муниципальной полиции должны иметь четкое разграничение. Борьба с серьезными уголовными преступлениями, безусловно, должна оставаться в компетенции федералов.

Вывод третий. Население малого города должно иметь право контроля над работой федералов. Здесь требуется поправка к федеральному закону.

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Китайцы хотят жить, как американцы. А мы?

Китайская строительная компания создала технологию изготовления на строительном принтере длиной 150 метров, шириной 10 и высотой 6,5 метров бетонных конструкций для строительства двухэтажных домов. За 24 часа отпечатываются 10 домов площадью 200 кв. м. Себестоимость каждого около 5 тысяч долларов.

Этак китайцы заживут совсем, как американцы — каждая семья в своем загородном доме. А что же мы?

У нас в упадке сотни малых городов. Покосившиеся дома, разрушенные временем фундаменты, прохудившиеся крыши... Есть районы, куда до сих пор не проведен газ и где нет отопления.

Но мэры стараются не раздражать вышестоящую власть темой ветхого жилья. Какой смысл, если все равно помощи не будет? История повторяется. Мы снова идем по старой колее. В смысле: у нас лучшие технологии производства танков и других видов оружия, но не доходят руки до того, в чем насущно нуждается народ. Представители власти сочувственно возмущаются ценами на строительном рынке, но что при этом

делают, чтобы изменить положение? Ничего. Хотя статья в Конституции, что у нас социальное государство, вроде, обязывает.

Один наш инженер тоже придумал строительный принтер, как пишут в Интернете, ничем не хуже китайского. Но что-то не слышно, чтобы где-то стали возводиться дома, собранные из конструкций 3D. А ведь это не очень дорого, это посылно любому малому городу.

На проблему жилья в провинции можно взглянуть и с другой стороны. Строительство частных домов теснейшим образом связано с повышением рождаемости. Видимо, так мы, люди, устроены. Неохотно размножаемся в тесноте квартир.

Гомерическая жадность инвесторов

Сегодня отчетливо наметилась тяга жителей больших городов покупать себе дома и квартиры в малых городах. И строительный бизнес на это среагировал. Правда, основная масса местных не может себе позволить заменить старые квартиры на современные, с высокими потолками, большими прихожими, огромными кухнями. Им эта роскошь не по карману.

Откуда у нас такие дикие цены на жилье? От инвесторов, которых не устраивает 10–20-процентная прибыль. Им подавай все 100, а то и 200 процентов. Скажем, при себестоимости одного квадратного метра в 1000 долларов, они имеют навар в 1000 долларов. Объясняется это тем, что слишком дорого обходится им подводка коммуникаций: воды, канализации, газа, света. Если бы государство взяло на себя расходы за эти коммуникации, цены на квартиры снизились бы очень значительно. И почему это не сделать? В перспективе всё равно придётся обновлять жилой фонд. Ветхие дома неизбежно начнут переходить в разряд аварийных. Это вызовет массовые протесты. Оно государству надо?

Странное отношение к земле

Инвесторы ссылаются также на дороговизну земли. Ну, тут впору только руками развести. Неужели в нашей необъятной стране гражданину, достигшему 20-летнего возраста, государство не может дать участок в 10 соток в черте города или где-то за его пределами бесплатно? Неужели от этого обеднеет?

В США бесплатно раздают землю в тех местностях, где городки хиреют и умирают. А у нас разве не хиреют?

У нас, вообще, какое-то странное и необъяснимое отношение к земле. Ее больше, чем в любой стране мира, а мы экономим, выделяем под разного рода строительство заведомо тесные площади.

Самый простой пример — дачные участки. Почему в советское время выделялось именно 6 соток? Ведь это сущий клочок земли. Нет, не только потому, что власть боялась, что люди будут сажать слишком много картошки и помидоров. Просто скаредность какая-то была на государственном уровне.

И эта скаредность сохраняется. Почему бы не давать строительным инвесторам землю бесплатно или за небольшую плату? Зачем задира́ть цены, зная, что инвесторы будут возвращать расходы за счет покупателей квартир?

Пример Троицка

Мэр подмосковного города Троицка *(теперь уже бывший)* Виктор Сиднев: «Есть у градоначальника дела текущие: благоустройство, ремонт жилья и дорог. Они отнимают большую часть времени, по ним и судят о его работе. Я оцениваю свою работу совсем по другим делам — стратегическим. Хотя к некоторым из них приступил только спустя несколько лет. Раньше не получалось.

В предыдущие три года работы мэром я не выделил ни одной площадки под “точечное” коммерческое строительство, когда в уже существующую застройку вписывается еще один дом.

Это, конечно, очень привлекательно для инвесторов, которые не тратятся на инженерные сети. Поставили дом и получили немалую чистую прибыль. А жителям это зачем? Возрастает нагрузка на коммуникации и инфраструктуру. В квартирах станет холодней, а в детских садах будет не хватать мест. Нас больше устраивает идея ЖСК, которые будут вести исключительно комплексную застройку. Рядом с новыми 3–4-этажными домами вырастут котельная, школы, детские сады, магазины, спортивные сооружения, места отдыха.

Повторяю, к идее этой пришли три года назад. Что ж так долго раскачивались? Долго оформляется документация на землю. Для того, чтобы построить дом, нужен генплан. А генплана в Троицке раньше вообще не было! Как нет его в подавляющем большинстве малых городов. Но даже если у вас уже есть генплан, все равно оформление всей документации на строительство занимает около полутора лет.

Такова наша бюрократическая система. Битых два года потратил только на то, чтобы найти в своем городе площадку в 12 гектаров под технопарк. А мы хотим, чтобы качество жизни граждан улучшалось быстрее. Хоть лоб расшиби — не получится».

Идея ЖСК не ржавеет

Виктор Сиднев: «А теперь подробнее — почему остановились на идее ЖСК.

Первый довод. Квадратный метр стоит в Троицке 2 тысячи долларов при себестоимости 1 тысяча. То есть с каждого

построенного метра коммерческий инвестор имеет прибыль 1 тысячу долларов. Не жирновато?

Второй довод. Коммерческое строительство стремится выжать максимум из каждого квадратного метра земли. Отсюда ставка на высотную застройку. А ЖКС ведут малоэтажное строительство: до 4 этажей. И когда люди строят для себя, то есть возможность построить так, как хочется. Чтобы и плотность была поменьше. И чтобы участок земли был под окнами. Кооперативные дома — это, в основном, таунхаусы, один подъезд на одну-две семьи.

И третий довод. ЖКС включают жителей в решение городских проблем. Это институт гражданского общества, призванного, как известно, решать вопросы жизни людей без участия государства. ЖКС — это готовые товарищества собственников жилья. Уж если сумели построить для себя дом, то сами смогут и управлять им. Там, где строительство ведут кооперативы, не надо заниматься жилищно-коммунальной реформой.

С чего начинали. Выработали положение о ЖКС. Создали 13 кооперативов. Это около 1000 человек. Вместе с членами семей — около 3 тысяч человек. Примерно столько же, сколько в городе очередников! Избрали координационные советы и руководителей. Наняли проектные организации, разработали проекты планировки. Включили в проект генерального плана целый квартал малоэтажной застройки. Теперь есть воля множества людей, есть средства, на которые можно начать застройку целого микрорайона».

Дело рук утопающих...

Виктор Сиднев: «Разрабатываем также местные нормативные акты. Пытаемся установить спорный правовой статус муниципальной земли. Прописываем права местного само-

управления в вопросах выделения земельных участков. Нет до сих пор механизма передачи земли. И нет механизма участия муниципалитета в работе ЖСК. Теоретически любой кооператив может купить землю на рынке у частника и строить себе дом без участия местной власти. Но при этом ему придется заплатить рыночную цену. А мы предлагаем выделять муниципальную землю ЖСК без конкурсов.

Казалось бы, так все просто. Стоимость земли, подгоняется под инвестиционные возможности покупателей. И чем дороже земля, тем выше себестоимость строительства, а потом и цена квартир. Аукционы, где землю под строительство, покупают только самые богатые инвесторы, привели к тому, что жилье с каждым годом становится все дороже. По всей стране, не только в столице и мегаполисах.

Но так трудно прийти к простому решению. А именно: кто десятки лет нуждается в жилье или в улучшении условий жизни, должны иметь преимущества перед теми, кто на строительстве жилья хочет обогатиться. Почему не отступить от дико-рыночных установок в сторону принципов социального государства?»

Еще о проблеме земли

Виктор Сиднев: «Дайте человеку землю бесплатно, чтобы он вместе с другими, себе подобными, построил свой дом. Дом должен стоять на инженерных сетях, построенных государством. Постройте эти сети, и люди начнут строить там дома. И если даже не будет школы, они отвезут своих детей в соседний город. 30 процентов школьников у нас в Троицке — жители окрестных коттеджных поселков. Город уже сейчас называют сервисным центром для целого небольшого

региона, где ведется интенсивная индивидуальная застройка. У нас можно дать детям школьное образование ничем не хуже, чем в Москве, и получить медицинскую помощь, опять-таки, не хуже, чем в столице».

Кто бы умерил аппетиты банкиров

Виктор Сиднев: «А еще никак не могу понять, почему государство так вяло влияет на наших банкиров. Движение ЖСК очень перспективное. И, как говорится, без вариантов. Нет пока другого способа построить людям жилье вдвое дешевле коммерческого. Но у членов кооперативов не всегда находятся нужные суммы. Чаще всего требуются кредиты. И тут банки со своими дикими процентами напоминают, что рынок сильнее установки на социальное государство. Иными словами, интересы богатых выше Конституции.

Уровень развития рынка кредитования обычно соотносят с валовым внутренним продуктом. Так вот, в странах Евросоюза его объем составляет 34 процента, в Германии доходит до 50 процентов, в США — до 53 процентов. А в России?

Все равно не угадаете. 1 (один) процент!»

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ «АТЛАНТЫ»

Уместно ли сравнение?

Наверное, пафосно сравнивать муниципальных чиновников с атлантами. Но разве не факт, что именно на них, чиновниках в особенности, на мэрах и ведущих специалистах держатся наши малые города? Так что сравнение это вполне корректно.

Но «атланты» наши, в отличие от мифических, бывает, устают...

«Ухожу!»

Накануне выборов местной власти Вячеслав Боляк, глава *(теперь уже бывший)* одного из самых благополучных районов Нижегородской области, отказался выставлять свою кандидатуру. Вот как он это объяснил.

Вячеслав Боляк: «Надоело быть мальчиком для битья. Ближе местной власти к народу никого нет, и во всех своих бедах — будь то не вовремя выплаченная зарплата или пенсия, холодные батареи, взбесившиеся цены на рынке — люди винят главу администрации. Но и “верхи” винят нас в том же самом:

не умеете правильно распорядиться бюджетом, грамотно вести городское хозяйство, не создаете условий для предпринимателя... А у меня руки связаны и ни копейки в кармане. Если же и появится — тут же отберут.

Я очень старался быть хорошим главой. Любил свою работу. Да, то, что сделано в районе за те последние десять лет, что я был у власти, сделано не только мною — у нас была хорошая команда, но говорить об этом я могу с полным правом и личной гордостью. Но то многое, чего мы добились, было добыто с трудом, что называется, с боем, а так не должно быть.

У нас до сих пор отсутствуют так называемые социальные стандарты, и поэтому мы никогда не можем отстоять те цифры бюджета, которые действительно необходимы для обеспечения минимальных потребностей населения. Например, говорим, что в сельской местности обязательно должна быть амбулатория, а нам отвечают: ошибаетесь, житель такой-то деревни вполне может лечиться в городской районной больнице — ехать ему, видите ли, недалеко. Или говорим, что на содержание школы (возьмем цифру условно) в день должно выделяться из бюджета по 15 руб., а нам говорят: хватит вам и 2-х руб. И доказать ничего нельзя. Отсутствие социальных стандартов позволяет субъекту Федерации распоряжаться средствами консолидированного бюджета по своему усмотрению. А в основе этого “усмотрения”, как правило, лежит субъективизм, или, если применить более грубое определение, произвол.

Та же ситуация с начислением дотаций и субвенций. Системы и правил, понятных и прозрачных, нет. В итоге получаются перекосы. Например, есть у нас один район, где промышленность работает нормально, и который в состоянии сформировать бездефицитный бюджет.

Я не согласен с политикой, перекладывающей на гражданина все тяготы по содержанию жилищной сферы и обязывающей его сегодня, когда он к этому не готов, платить все 100 процентов за занимаемое им жилье.

Я не согласен также с политикой межбюджетных отношений, допускающей любой произвол и являющейся одной из главных причин того, что сегодня ряд перспективных областей и местных самоуправлений опустили на грань экономической несостоятельности.

Помните печальный анекдот про цыгана, который перестал кормить лошадь? Он еще все удивлялся — вот, мол, как можно, оказывается, экономить: лошадь не кормят, а она работает. Правда, потом лошадь почему-то вдруг упала и сдохла. Но зато какая экономия! Нечто подобное сейчас делают с муниципалитетами.

У меня нет возможности предотвратить это безобразие, а участвовать в нем я не хочу».

Пир рыболовных бонз

А вот как живут люди в Астраханской области. Городок Харабали, что в переводе с казахского означает «много рыбы».

Зимой здесь, где проживают 18 тысяч жителей, выпекают ежемесячно 8 тонн хлеба. В летнее время — в два раза больше. Каждое лето в окрестностях городка бывают 35–40 тысяч автотуристов.

Каждая машина увозит в среднем 20 килограммов рыбы. Всего, таким образом, около 700–800 тонн.

Идет не рыбалка, а форменная война с рыбой на уничтожение. Местные жители, еще десять лет назад ловившие в Ахтубе стерлядь, забыли, как она выглядит, а на праздничных столах давно уже нет черной икры.

Ахтуба еще не умирает, но и не в состоянии, в полной мере, сама себя очищать. Осенью особенно видно, что оставляют после себя туристы. И без того редкие деревья изуродованы. Все берега — в нечистотах и больше похожи на свалки мусора. Весной все это будет смыто половодьем и попадет в реку. Автотрыболовы ведут себя как оккупанты на завоеванной земле.

В какой-нибудь другой стране местные жили бы только за счет рыбных богатств и рыболовного туризма. Но харабалинцы не видят для себя этой перспективы даже в самых красивых снах.

Рыболовные базы берут с каждого клиента за проживание и услуги более 2000 рублей в сутки, но что от этих доходов имеет город Харабали и район? Крохи. Государство щедро разрешает владельцам баз наживаться и грабить реку, нисколько не думая при этом о местных жителях. Чем будут они жить, когда рыбные богатства иссякнут? А они, при таких темпах разграбления, иссякнут очень скоро.

В нашей стране миллионы любителей рыбной ловли. Каждое лето их автомобильный поток устремляется в этот солнечный край. Число отдыхающих здесь, конечно, меньше, чем на Черноморском побережье или в Крыму, но все равно измеряется сотнями тысяч. Почему же государство не строит здесь хорошие дороги и соответствующую инфраструктуру, которая обеспечила бы работой тысячи местных жителей, бывших работников исчезнувших рыболовецких колхозов?

Участь «всесоюзного огорода»

Но не только в рыбе дело. Раньше Харабалинский район считался «всесоюзным огородом». Местные жили припеваючи. Сегодня средняя зарплата — слезы. А основная работа — выращивание овощей и арбузов — только весной и летом. Зимой

число безработных увеличивается раза в три. Чем кормиться? Ну, естественно, рыбой. У тех, кто живет неподалеку от Ахтубы и других рукавов Волги, вообще 365 рыбных дней в году. Но ведь немало сел и вдали от водоемов. Там вся надежда на домашнее хозяйство.

Но полив... Колодцев здесь не копают. Смысла нет — вода в них будет соленой. А если поливать из водопровода, то вот какие возникают цифры. Жители Астрахани платят за кубометр питьевой воды, предположим, 2 рубля. А в Харабалинском районе — за кубометр технической воды 9 рублей. Полив одной сотки обходится за сезон минимум в 1800 рублей. Откуда у людей такие деньги? Перестал платить — контролеры докапываются до трубы, перекрывают ее и вешают пломбу. А иным летом — ни одного дождя. Чем поливать? Что может вырасти без полива?

Но люди платят не только за воду, а еще и за электроэнергию, которую потребляют водокачки. Эту статью расходов семейные бюджеты выдерживают еще меньше. Снова задолженности. И теперь уже РАО «ЕЭС» вырубает электричество. Отключаются холодильники. И что особенно бьет по людям — не на чем вскипятить воду. А пить некипяченую, в которой летом кишат паразиты, — смерти подобно.

Казалось бы, водой, как и рыбой, должно заниматься местное самоуправление. (Насосная-то на его территории!) Уж оно бы не стало обижать земляков дикими расценками. Ан, нет. И здесь все в руках федеральной службы воднадзора. Большинство водопроводов либо нужно капитально ремонтировать, либо менять. В местном бюджете на это денег нет. Службе воднадзора эта проблема — до лампочки.

Но, несмотря на все мытарства, овощи здесь выращивают. Но как продать? Едет глава района в Москву, приходит в ка-

кую-нибудь префектуру. Предлагает помидоры, предположим, по 10 рублей за килограмм. В Москве можно продать по 100 рублей. 10-кратный навар! Но ему говорят: «Не, не надо нам этого. Москвичи богатые. Купят у азербайджанцев».

Заезжие азербайджанцы, не ударив пальцем о палец, давно уже держат в руках всю цепочку: скупка овощей и арбузов — изготовление тары — перевозка — продажа товара. Они же диктуют закупочные цены, доводя стоимость килограмма помидоров до грабительских величин. Казалось бы, видя такую несправедливость, государство должно помочь харабалинцам вернуть себе славу «всероссийского огорода». Достаточно установить что-то вроде госзаказа. Но государство — в стороне. Экономика сегодня, а значит и сама жизнь тысяч людей, не его, государства, дело.

Кордон

Харабалинский район, как и вся Астраханская область, — не только рыбацкий Клондайк, но и окраина России. Кордон. При царях местное население имело всевозможные льготы и дополнительное финансирование. Только бы не разъехалось. Ибо жизнь здесь, несмотря все природные блага, не сахар. Летом — изнуряющая жара, зимой — почти арктическая стужа. Весной все вокруг заливают половодьем, летом — все высушивает солнце.

Что же сегодня? Сегодня с местных жителей берут налоги безо всяких скидок и еще постоянно недофинансируют. Администрация района крышу на своем неказистом здании латает не сразу всю, а по частям — нет денег. Местные жители не имеют даже половины того, что считают нормой жители центральной России.

Итак...

Здесь море воды и... в то же время дефицит воды.

Здесь море рыбы, но что от этого имеет население? Ничего.

Здесь выращиваются миллионы тонн овощей, но большую их часть местные люди не могут продать.

Здесь добывают нефть и газ, но налоги уходят в Москву.

«Государство нас бросило», — с веселым отчаянием говорят харабалинцы.

Но во время застолий неизменно поднимают тост за Родину, и поют, блестя глазами, патриотические песни.

ДАУНШИФТЕРЫ, ИЛИ «УШЕЛЬЦЫ»

Дауншифтеры

Все больше жителей крупных городов переезжают на постоянное жительство в провинцию. Для малых городов это неожиданное благо. Ведь едут специалисты — люди не бедные и не лентяи.

Но в городских администрациях нет отделов, призванных заниматься этими внутренними мигрантами. Нет даже отдельных чиновников, в круг обязанностей которых входило бы решение проблем переезжающих граждан. Тема эта практически отсутствует в провинциальных СМИ.

На Западе их называют дауншифтерами. От английского *downshifting* — переключение на более низкую передачу, или движение вниз. В нашем языке краткого синонима не нашлось. Кто-то предложил ироничное «ушельцы».

Итак, кто такие дауншифтеры там, за бугром? Это жители больших городов, уставшие горбатиться на боссов и достаточно состоятельные, чтобы сменить образ и место жительства. Отправиться, к примеру, на острова, где можно ходить нагишом и заниматься духовными практиками под пальмой.

Взгляд, конечно, утрированный, но близкий к истине. Наши доморощенные «ушельцы» как раз так и поступают. Скопив

деньжат, уезжают в Тайланд или на Бали и нежатся под тропическим солнцем, пока финансы не запоют романсы. Некоторые, правда, одурев от безделья, открывают какой-нибудь маленький бизнес, такой же нудный, как и ничегонделанье.

Исследователи «жизни на понижение» считают, что явление это начало расти в наши дни. Но в единичных случаях наблюдалось и в стародавние времена. Римский император Диоклетиан сменил трон на страсть к выращиванию капусты, Сиддхаратх Гаутам, названный впоследствии Буддой, ради духовных поисков отказался от трона. Художник Гоген сбежал из Франции на Таити.

Сколько дауншифтеров на Западе? Если верить статистике, за последние 10 лет в странах Европы на понижение образа жизни в той или иной степени перешли около 30% работающего населения. В США — около 25%.

Только в Америке и Великобритании новообращенные в дауншифтинг едут не в теплые края, а в сельскую местность. Мужчины занимаются выращиванием экологически чистых продуктов, женщины — домашним хозяйством. Конечно, их пастораль для нас — образец приблизительный. Наша провинция — не их провинция, где от города до города рукой подать. Но и у нас последнее время тяга к здоровому образу жизни набирает обороты.

«Ушельцы»

В России, по приблизительным прикидкам, «ушельцы» составляют не более 4–5%, но не от всего работающего населения, а только от общего числа менеджеров. Сколько «ушельцев» среди других категорий населения — неизвестно. О таких социологических исследованиях что-то не слышно. Зато известны причины обращения менеджеров в «ушельцы».

Сегодня обострилась хорошо известная и раньше «хроническая усталость», особенно там, где не щадят своих сотрудников. И вот уже некоторые фирмы сокращают продолжительность рабочего дня, смягчают регламенты для особо творческих работников, чья психика требует щадящего отношения. Страх за профессиональное выгорание особо ценных сотрудников, оказывается, может играть конструктивную роль.

Но кто в основном выгорает? Трудоголики, которые не умеют отдыхать. Но позвольте, разве настоящий трудоголик променяет работу на пляж? Работящему человеку психологически тяжело совсем ничем не заниматься. Был случай: один преуспевающий бизнесмен, сменив Москву на Бали, сколько-то времени полоботрясничал, потом запил и пустил себе пулю в лоб.

И все же можно предположить, что в ближайшие годы число «ушельцев» у нас будет только расти. Зарплаты сокращаются, людям не хватает средств, чтобы погасить взятые кредиты и долги по ипотеке. Самые расчетливые жители больших городов уже нашли выход из положения — сдают жильё в аренду и перебираются в малый город, сняв там квартиру.

Категории и мотивы

«Ушельцы» делятся на две категории. Первая — это те, кто хочет временно переменить жизнь. Уезжают, чтобы вернуться. И вторая категория — те, кто не настроен возвращаться, если сумеет неплохо устроиться на новом месте. Заметим, что в эту, вторую категорию, вполне могут войти и «ушельцы» из первой категории. Все дело в том, как их примут на новом месте. То есть многое зависит от мэрии малого города.

А теперь еще конкретнее о мотивах, побуждающих жителей больших городов переезжать в провинцию.

Надоело работать «на чужие цели», «на дядю». Хочется работать только на себя. Если фирма или корпорация — государственные, значит, человек не хочет работать на государство.

Забота о детях. Надоело бояться за них, жизнь в малом городе безопасней. Меньше соблазнов. Другой темп жизни больше способствует развитию и саморазвитию. Наиболее ответственные и дальновидные думают даже о внуках.

Хочется жить в экологически чистой среде обитания. Это раньше, лет тридцать назад, людям было важно не столько качество продуктов, сколько их наличие на прилавках. Сегодня больше думают о продолжительности жизни, которая, как известно, зависит от того, чем мы питаемся.

Темпы импортозамещения в сельском хозяйстве обнадеживают, но людей беспокоит возрастающее применение фальсификатов. Какое в магазинах молоко? А колбасы? Будем обсуждать? Проще назвать еду, которая совершенно безвредна.

А в провинции, слава богу, еда не настолько поражается химией. Чтобы убедиться в этом, достаточно купить на рынке любого малого города мясо или овощи.

Куда ехать?

Самое простое и наиболее частое направление — историческая родина. Родной городок.

Или же — компактное поселение в умирающих деревнях. В Костромской области — это Шилово и Дмитрово (там живут биологи), в Паломе — искусствоведы и журналисты.

Считается, что лучше уехать на расстояние немногим больше 100 километров от города. Более дальние поездки могут стать обременительными для бюджета.

Мнение психологов

Если человек настроился сменить место жительства, лучше это сделать и при этом обломаться, чем ничего не делать — нерешительность оставит горький осадок на всю оставшуюся жизнь.

Если стремление переехать — стремление убежать от самого себя, то это бессмысленно, поскольку убежать от самого себя невозможно.

«Счастливые люди»

В 2008 году группа документалистов сняла четырехсерийный фильм о жителях поселка Бахта на среднем течении Енисея. Мало какой детектив посмотрело столько телезрителей и посетителей Интернета. Лента отмечена национальной премией «Лавровая ветвь».

Авторы показывают повседневную жизнь людей во все времена года. Это не аборигены-тунгусы. Это потомки горожан 20-х годов прошлого века, которых неудержимо тянуло к жизни среди дикой природы. Уже на месте, в Бахте, они овладели навыками рыбаков и охотников, завели семьи, родили детей и вырастили из них настоящих таежников.

Главный смысловой посыл фильма — городские люди вполне способны прижиться в совершенно непривычной для себя среде. Все решает их характер и любовь к природе.

А еще можно вспомнить, что на БАМ ехали не только люди строительных специальностей, но и педагоги, медики, работники культуры. Как без них могли развиваться новые поселки, где жили семьи бамовцев? Никак.

Скажем прямо: люди ехали не только «по зову сердца». Не все были романтиками. Многих привлекала перспектива

получить через три года талон на приобретение «жигулей». Игра в призы с государством увлекала. Получив первый талон, кому-то хотелось получить и второй. И люди оставались еще на три года. А кто-то уже насовсем.

К чему этот пример? К тому, что сегодня государство дает новым поселенцам по гектару земли. Но что-то не слышно о широком потоке желающих заселять бескрайние просторы Восточной Сибири и Дальнего Востока. Наверно, для того, чтобы стать счастливыми на новом месте, людям нужно что-то еще, помимо своей земли. Чтобы число желающих переселиться на восток страны превратилось во впечатляющий поток, нужен целый комплекс мер и такое же масштабное государственное решение, каким было строительство БАМа.

Бахта—примета совсем другого времени. Сегодня подобные поселки едва ли могут возникать спонтанно. Их можно только создавать решениями глав регионов, по мере поступления заявок от потенциальных переселенцев. А это — ответственная чиновничья работа, требующая терпеливого внимания к людям и участия в этом «коллективного организатора» — печатных изданий, телевидения.

Внутренняя миграция 100 лет назад

В 2013 году в большие города выехало из деревень и поселков около 150 тысяч молодых людей, а в 2014 уже на 20 тысяч больше. И переселение это было названо повальным бегством...

Так ли это? Возьмем для сравнения цифры, приведенные в специальном исследовании. Между 1871 и 1896 годами в Санкт-Петербург, тогдашнюю столицу Империи, перебрались из провинции около 700 тысяч человек. В Москве прирост за эти же годы составил 400 тысяч человек.

Еще более впечатляет масштаб миграции в Сибирь и на Дальний Восток. С 1897 по 1916 годы туда переехало 5,2 миллиона человек. Почти 400 тысяч в год! По абсолютному числу внутренних мигрантов, Россия уступала только Великобритании.

Людей надо было обеспечить, перевезти, принять на новом месте... Чиновниками была проделана колоссальная работа, хотя было их тогда гораздо меньше, чем сегодня.

В 1913 году на территории Жиздринского уезда Калужской губернии, где проживало 249 тысяч человек, было всего чуть более 100 управленцев. Спустя 100 лет на той же территории, ставшей Куйбышевским районом Калужской области, где сегодня проживает около 150 тысяч человек, работают почти 500 муниципальных служащих, не считая 2,5 тысяч федеральных чиновников.

Иллюзии большого города

Однако, и поток провинциалов в большие города не убывает, а продолжает расти примерно на 25–30 тысяч в год. В основном люди едут, чтобы получить высшее образование или вырасти в профессии. То, что нужно этим людям, полностью совпадает с тем, что нужно государству — образованные люди, крепкие профессионалы.

Но не все поступают в вузы и не все пробиваются на вершину своей профессии. Однако же возвращаться в свой маленький город или деревню уже не хотят. Во-первых, намерены повторить попытку, во-вторых, неловко выглядеть неудачниками. Вот с этими, последними, явно не поработала какая-то мэрия. Уезжая, они должны знать, что их помнят, ждут и постараются найти для них достойное место в родных пенатах.

Но есть еще одна категория уехавших — искатели удовольствий городской жизни. При этом попасть в Большой театр не стремятся, и на выставки не очень-то ходят. Ну, разве что в какие-то музеи. А вот в цирк, на мюзиклы и концерты поп-звезд — обязательно. А о чем еще рассказывать, наведываясь в родную глубинку?

Но! Приезжий, снимая квартиру, едва ли сможет бывать на концертах и мюзиклах чаще двух раз в год. Даже если зарабатывает 50 тысяч в месяц, 25–30 тысяч надо отдать за жилье. Если купил машину, еще не менее 5 тысяч «съест» бензин. А платежи по кредитам! Ведь кроме машины, надо еще бытовую технику купить.

Приодеться надо, родственникам в родной город перевод или гостинец послать, на отпуск отложить... Нет, развлечения не особо получают.

Но мы еще не взяли в расчет расстояния и пробки большого города. А это — стресс для провинциала. Если он добирается до работы полтора часа и еще столько же едет обратно, то его рабочий день как бы увеличивается до 11 часов. Вот и получается, жизнь в большом городе: дом — работа — дом. Ну, еще магазины. Не просто так во всех районах торговые центры — центры развлечений. Вот этим и живет провинциал. И это — то, что приобретает он в большом городе.

А что теряет? Прежде всего, массу свободного времени, которое тратит теперь на передвижения. А еще — чистый воздух. Тишину. Возможность здороваться и разговаривать с встречаемыми людьми. Здесь, в большом городе, тебя никто не знает, и никому ты не нужен. А если взять шире, здесь ты как бы даже не живешь, а крутишься в каком-то колесе, и ведь не спрыгнуть. Хотел жить красиво, и действительно, накупил красивых шмоток, приобрел красивую машину, но красота эта

быстро приедается. Хочется чего-то еще. А этого «еще» нет, и для абсолютного большинства приезжих, если они не добиваются роста в образовании и профессии, быть не может. И получается, что живут они не совсем естественной для себя жизнью, а точнее, совсем не естественной. Не живут, а отбывают жизнь.

Куда естественней было бы для них жить в своем родном городе, среди родных и знакомых людей, не изнывать в пробках, не дышать гарью, а тот торговый центр, куда можно пойти развлечься, построить сообща с другими гражданами города.

Провинция — корневая система страны

В странах Западной Европы крупные города помогают развиваться ближайшим малым городам. На этом основана их концепция регионального развития. Именно поэтому в Европе переезжающие туда-сюда (то есть мигрирующие) граждане — для всех городов общие. И забота об их жизнеустройстве тоже общая.

В США масштабы внутренней миграции гораздо больше, чем где бы то ни было. Поэтому еще президент Кеннеди предлагал создать министерство по делам городов. Но Конгресс не поддержал его законопроект. В США вообще избегают схем, которые вызывают иждивенческие настроения у одних и возмущение, что они должны кого-то содержать, у других. Малым городам американское государство помогает напрямую, не перепоручая это большим городам.

У нас в этом вопросе тоже намечалась подвижка в нужную сторону. Предлагалось образовать в Совете Федерации две Палаты: представителей федеральной государственной власти и представителей местного самоуправления, 25 тысяч мунци-

ципальных образований. Но эта реформаторская инициатива не прошла.

А жаль. В государственном механизме на полных оборотах работает только тот винт, который по-настоящему что-то значит. Только действительно важное постоянно находится в центре внимания и получает все необходимое, и прежде всего деньги, без которых не решаются никакие проблемы. Если назвать провинцию корневой системой страны, то ничего так не нужно этим корням, как хороший денежный полив.

НАСТОЯЩЕЕ ЛИЦО СТРАНЫ

О жизни народа судят по его малым городам. Либо говорят: «Боже, как здесь живут люди!» Либо: «Живут же люди!»

Настоящее лицо страны — не считанные большие города. Они чаще всего только — витрина. Настоящее лицо скрыто в провинции: в малых городах, коих у нас сотни. И только преобразив их, мы преобразим страну.

Древний грек Плутарх писал о себе: «Что до меня, то я живу в небольшом городке, и чтобы он не стал еще меньше, собираюсь жить в нем и дальше».

В эпоху расцвета Римской империи жизнь там была ключом не только в больших городах, но и в провинции, откуда выходили лучшие писатели и полководцы.

Российская провинция, с нашими пространствами, большими расстояниями между городами, конечно, несравнима ни с какой другой. Это мега-провинция.

Наша культура считалась одной из самых провинциальных в Европе, но от этого мы только выигрывали. «Без провинции у меня не было бы и половины материала, которым я живу как писатель», — писал о себе М. Салтыков-Щедрин. Только ли он мог сказать о себе такие слова?..

Еще более глубокомысленное обобщение сделал историк В. Ключевский: «В России центр на периферии».

«Москва жила и до сих пор живет привилегированной жизнью по сравнению с провинцией. Она относится к остальной части России так, как Европа относится к Москве», — отмечал А. Солженицын.

В чем-то это отношение — словно к бедному родственнику. По статистике, бедных (обычно мы называем их малоимущими, так приятнее звучит) у нас 23 миллиона. И большая их часть живет в провинции.

У нас около 800 малых городов, это минимум треть населения России. И это провинция, где люди ближе друг к другу, здесь им проще что-то делать сообща. Ради самих же себя, ради будущего своих детей.

Мы привыкли считать, что человек может быть только гражданином своей страны. На самом деле, человек должен быть еще и гражданином своего города. Каким был Плутарх.

ДВА ВЗГЛЯДА

(приложение)

**АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН,
писатель, общественный деятель**

Провинция

Станет или не станет когда-нибудь наша страна цветущей — решительно зависит не от Москвы, Петрограда, Киева, Минска, — а от провинции. Ключ к жизнеспособности страны и к живости ее культуры — в том, чтоб освободить провинцию от давления столиц, и сами столицы, эти болезненные гиганты, освободились бы от искусственного переотягощения своим объемом и необозримостью своих функций, что лишает и их нормальной жизни.

Вся провинция, все просторы Российского Союза вдобавок к сильному (и все растущему по весу) самоуправлению должны получить полную свободу хозяйственного и культурного дыхания. Наша родина не может жить самоценно иначе, как если укрепятся, скажем, сорок таких рассеянных по ее раскинуто-

сти жизненных и световых центров для своих краев, каждый из них — средоточие экономической деятельности и культуры, образования, самодостаточных библиотек, издательств, — так чтобы все окружное население могло бы получать полноценное культурное питание, и окружная молодежь для своего обучения и роста — все не ниже качеством, чем в столицах. Только так может соразмерно развиваться большая страна.

Вокруг каждого из таких сорока городов — выникнет из обморока и самобытность окружного края. Только при таком рассредоточении жизни начнут повсюду восстанавливаться загубленные и строиться новые местные дороги, и городки, и села вокруг.

И это особенно важно — для необъятной Великой Сибири, которую мы с первых же пятилеток ослепленно безумно калечили вместо благоденственного развития.

И здесь, как и во многом, наш путь выздоровления — с низов.

Все ли дело в государственном строе

Государству, если мы не жаждем революции, неизбежно быть плавно преемственным и устойчивым. И вот уже созданный статут потенциально сильной президентской власти нам еще на немалые годы окажется полезным. При нынешнем скоплении наших бед, еще так осложненном и неизбежным разделением с окраинными республиками, — невозможно нам сразу браться решать вместе с землей, питанием, жильем, собственностью, финансами, армией — еще и государственное устройство тут же. Что-то в нынешнем государственном строе приходится пока принять просто потому, что оно уже существует.

Конечно, постепенно мы будем пересоставлять государственный организм. Это надо начинать не все сразу, а с ка-

кого-то краю. И ясно, что: снизу, с мест. При сильной центральной власти терпеливо и настойчиво расширять права МЕСТНОЙ жизни.

Конечно, какая-то определенная политическая форма постепенно будет нами принята,— по нашей полной политической неопытности скорей всего не сразу удачная, не сразу наиболее приспособленная к потребностям именно нашей страны. Надо искать СВОЙ путь. Сейчас у вас самовнушение, что нам никакого собственного пути искать не надо, ни над чем задумываться,— а только поскорей перенять, «как делается на Западе».

Но на Западе делается— еще ой как по-разному, у каждой страны своя традиция. Только нам одним— не нужно ни оглядываться, ни прислушиваться, что говорили у нас умные люди еще до нашего рождения.

А скажем и так: государственное устройство— второстепеннее самого воздуха человеческих отношений. При людском благородстве— допустим любой добропорядочный строй, при людском озлоблении и шкурничестве— невыносима и самая разливистая демократия. Если в самих людях нет справедливости и честности— то это проявится при любом строе.

А сами-то мы каковы?

Источник силы или бессилия общества— духовный уровень жизни, а уже потом— уровень промышленности. Одна рыночная экономика и даже всеобщее изобилие— не могут быть венцом человечества. Чистота общественных отношений— основной, чем уровень изобилия. Если в нации иссякли духовные силы— никакое наилучшее государственное устройство и никакое промышленное развитие не спасет ее от смерти, с гнилым дуплом дерево не стоит. Среди всех воз-

можных свобод — на первое место все равно выйдет свобода бессовестности: ее-то не запретишь, не предусмотритишь никакими законами. ЧИСТАЯ атмосфера общества, увы, не может быть создана юридическими законами.

Разрушение наших душ за три четверти столетия — вот что самое страшное.

О государственной форме

Освальд Шпенглер верно указывал, что в разных культурах даже сам СМЫСЛ государства разный и нет определившихся «лучших» государственных форм, которые следовало бы заимствовать из одной великой культуры в другую. А Монтескьё: что каждому пространственному размеру государства соответствует определенная форма правления и нельзя безнаказанно переносить форму, не сообразуясь с размерами страны.

Для ДАННОГО народа, с его географией, с его прожитой историей, традициями, психологическим обликом, — установить такой строй, который вел бы его не к вырождению, а к расцвету. Государственная структура должна непременно учитывать традиции народа. «Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему». (*Иерем. 6, 16*).

Народ имеет несомненное право на власть, но хочет народ — не власти (жажда ее свойственна лишь процентам двум), а хочет прежде всего устойчивого порядка. Даже христианский социалист Г. П. Федотов после опыта 1917 года настаивал, что власть должна быть сильной и даже, писал он: не зависеть от совета законодателей и отчитываться перед ним лишь после достаточного срока.

Если избрать предлагаемый далее порядок построения институтов свободы СНИЗУ, при временном сохранении центральной власти в тех формальных чертах, как она уже существует,—то это займет у нас ряд лет, и еще будет время основательно обсудить здоровые правила государственного построения.

Демократия малых пространств

Из высказанных выше критических замечаний о современной демократии вовсе не следует, что будущему Российскому Союзу демократия не нужна.

Очень нужна. Но при полной неготовности вашего народа к сложной демократической жизни—она должна постепенно, терпеливо и прочно строиться СНИЗУ, а не просто возглашаться громковещательно и стремительно сверху, сразу во всем объеме и шири.

Все указанные недостатки почти никак не относятся к демократии малых пространств: небольшого города, поселка, станицы, волости (группа деревень) и в пределе уезда (района). Только в таком объеме люди безошибочно смогут определить избранцев, хорошо известных им и по деловым способностям и по душевным качествам. Здесь—не удержатся ложные репутации, здесь не поможет обманное красноречие или партийные рекомендации.

Это—именно такой объем, в каком может начать расти, укрепляться и сама себя осознавать новая российская демократия. И это—самое наше жизненное и самое ваше верное, ибо отстоит в нашей местности: неотравленные воздух и воду, наши дома, квартиры, ваши больницы, ясли, школы, магазины, местное снабжение, и будет живо содействовать росту местной нестесненной экономической инициативы.

Без правильно поставленного местного самоуправления не может быть добропрочной жизни, да само понятие «гражданской свободы» теряет смысл.

Демократия малых пространств тем сильна, что она НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ.

Демократия по-настоящему эффективна там, где применимы НАРОДНЫЕ собрания, а не представительные. Такие повелись — еще с Афин и даже раньше. Такие — уверенно действуют сегодня в Соединенных Штатах и направляют местную жизнь. Такое посчастливилось мне наблюдать и в Швейцарии, в кантоне Аппенцель. Я писал уже об этом в другом месте, не удержусь тут повторить кратко. На городской площади собраны, плотно друг к другу стоят все имеющие право голоса. Голосование — открытое, поднятием рук. Главу своего кантонального правительства, ландамана, переизбрали очень охотно, с явной любовью, — но из предложенных им законопроектов тут же вслед проголосовали против трех: доверяем тебе! правь нами — но без этого!

А ландаман Раймонд Брогер в программной речи сказал: «Вот уже больше полутысячелетия наша община не меняет существенно форм, в которых она правит сама собою. Нас ведет убеждение, что СВОБОДА связана с нашими обязательствами и нашим самосдерживанием. Не может быть свободы ни у личности, ни у государства без дисциплины и честности. Народ — решающий судья во всех важных вопросах, но он не может ежедневно присутствовать, чтоб управлять государством. И поэтому в управлении неизбежна примесь аристократического или даже монархического элемента». (*То же говорил и Аристотель*). Правительство, продолжал Брогер, не должно спешить за колеблющимся переменчивым народным голосованием, только бы переизбрали вновь, не должно

произносить зазывных речей избирателям, но двигаться против течения.

Задача правительства: действовать так, как действовало бы разумное народное большинство, если бы знало все во всех деталях, — а это становится все невозможнее при растущих государственных перегрузках.

Именно демократическая система как раз и требует сильной руки, которая могла бы государственный руль направлять по ясному курсу.

Демократия малых пространств веками существовала и в России. Это был сквозь все века русский деревенский мир, а в иные поры — городские веча, казачье самоуправление. С конца прошлого века росла и проделала немалый путь еще одна форма его — ЗЕМСТВО, к сожалению, только уездное и губернское, без корня волостного земства и без обвершения всероссийским. Октябрьский переворот насильственно сломал всякое земство, заменив его СОВЕТАМИ, от самого начала подмятыми компартией.

Всей историей с 1918 эти советы опорочены: они никогда не были реальным самоуправлением на каком-либо уровне. Вносимые сейчас робкие избирательные изменения тоже не могут эту форму спасти: она не обеспечивает МЕСТНЫХ интересов с их влиянием через всю структуру снизу вверх. Я полагаю, что «советы депутатов» надо, шаг за шагом, снизу вверх, заменить земской системой.

Сочетанная система управления

Имеется в виду разумное сочетание деятельности централизованной бюрократии и общественных сил. Такое сочетание бывало периодами и в Московской Руси: местное самоуправ-

ление вело не только местные дела, но и часть общегосударственных, однако, под надзором центральной власти.

Централизованная бюрократия инерционно старается ограничить области общественного самоуправления. Но это нужно лишь самой бюрократии, а никак не народу, да и не правительству. В здоровое время у местных сил — большая жажда деятельности, и ей должен быть открыт самый широкий простор. Как формулировал Л. Тихомиров: во всем, где общественные силы и сами способны поддерживать общеобязательные нормы, действие правительственных учреждений излишне и даже вредно, так как без нужды расслабляет способность нации к самостоятельности. Повсюду, где допустимо прямое действие народных сил — в форме ли местного самоуправления или деятельности еще каких-то отдельных общественных ассоциаций, союзов, — это прямое действие должно быть им открыто.

Кроме того, этот общественный подпор незаменим для контроля над государственно-бюрократической системой и заставляет любого там чиновника служить честно и поворотливо.

Такую сочетанную систему, деловое взаимодействие администрации правительственной и администрации местных самоуправлений, Д. Шипов называл ГОСУДАРСТВЕННО-ЗЕМСКИМ строем.

Разумное и справедливое построение государственной жизни — задача высокой трудности, и может быть достигнуто только очень постепенно, рядом последовательных приближений и нащупываний. Эта задача не угасла и перед сегодняшними благополучными западными странами, надо и на них смотреть глазами не восторженными, а ясно открытыми, — но насколько ж она большей и острее у нас, когда мы начинаем с катастрофического провала страны и разученности людей.

Освальд Шпенглер верно указывал, что в разных культурах даже сам СМЫСЛ государства разный и нет определивших-ся «лучших» государственных форм, которые следовало бы заимствовать из одной великой культуры в другую. [...] Для ДАННОГО народа, с его географией, с его прожитой историей, традициями, психологическим обликом, — установить такой строй, который вел бы его не к вырождению, а к расцвету. Государственная структура должна непременно учитывать традиции народа.

Всякое голосование, при любом способе подсчета, — не есть поиск истины. Здесь все сводится к численности, к упрощенной арифметической идее, к поглощению меньшинства большинством, а это опасный инструмент: меньшинство никак не менее важно для общества, чем большинство, а большинство — может впасть и в обман. «Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды» (*Исход, 23, 2*).

Избирательные кампании при большой численности голосующих, среди незнакомых избирателей, бывают столь суетливы, визгливы, да при частом пристрастии массовых средств информации, что даже отвращают от себя значительную часть населения. Телевидение хотя и выявляет внешность кандидата, манеру держаться, но не государственные способности. Во всякой такой избирательной кампании происходит вульгаризация государственной мысли. Для благоуспешной власти нужны талант и творчество — легко ли избрать их всеобщим голосованием на широких пространствах? Сама по себе такая система не понуждает политических деятелей действовать выше своих политических интересов, и даже наоборот: кто будет исходить из нравственных принципов — легко может проиграть. А. Токвиль, изучая США в XIX веке, пришел к вы-

воду, что демократия — это господство посредственности. (Хотя чрезвычайные обстоятельства страны выдвигают и в ней сильные личности).

Все приемы предвыборной борьбы требуют от человека одних качеств, а для государственного водительства — совершенно других, ничего общего с первыми. Редок случай, когда у человека есть и те и другие, вторые мешали бы ему в предвыборном состязании.

Пройдя избрание — кандидат становится НАРОДНЫМ представителем. [...] Наши четыре последовательных Государственных Думы мало выражали собой глубины и пространства России, только узкие слои нескольких городов, большинство населения на самом деле не вникло в смысл тех выборов и тех партий. И наш блистательный думец В. Маклаков признал, что «воля народа» и при демократии фикция: за нее всего лишь принимается решение большинства парламента. Да и невозможны точные народные наказания своим депутатам на все будущие непредвидимые случаи. И — нет такого импульса, который заставлял бы нынешних избранцев стать выше своих БУДУЩИХ выборных интересов, выше партийных комбинаций и служить только основательно понятым интересам родины, пусть (и даже неизбежно) в ущерб себе и своей партии. Делается то, что поверхностно нравится избирателям, хотя бы по глубокому или дальнему смыслу это было для них зло. А в таком обширном государстве, как наше, тем меньше возможность проверять избранцев и тем большая возможность их злоупотреблений. [...] «представительство» становится как бы профессией человека, чуть не пожизненной. Образуется сословие «профессиональных политиков», для кого политика отныне — ремесло и средство дохода. Они лавируют в системе парламентских комбинаций — и где уж там «воля народа»...

Партия — значит ЧАСТЬ. Разделиться нам на партии — значит разделиться на части. Партия как часть народа — кому же противостоит? Очевидно — остальному народу, не пошедшему за ней. Каждая партия старается прежде всего не для всей нации, а для себя и своих. Национальный интерес затмевается партийными целями: прежде всего — что нужно своей партии для следующего переизбрания; если нечто полезное для государства и народа проистекло от враждебной нам партии — то допустимо и не поддерживать его. Интересы партий, да и само существование их — вовсе не тождественны с интересами избирателей. С. Крыжановский считал, что пороки и даже крушение парламентского строя происходят именно из-за партий, отрицающих единство нации и само понятие отечества. Партийная борьба заменяет поиск истины — она идет за партийный престиж и отвоевание кусков исполнительной власти. Верхушки политических партий неизбежно превращаются в олигархию. А перед кем отчитываются партии, кроме своих же комитетов? — такая инстанция не предусмотрена ни в какой Конституции.

XX век содрогается, разворачивается от политики, освободившей себя от всякой нравственности. Что требуется от любого порядочного человека, от того освобождены государства и государственные мужи. Пришел крайний час искать более высокие формы государственности, основанные не только на эгоизме, но и на сочувствии.

Из публицистического эссе «Как нам обустроить Россию».

ВЛАДИСЛАВ СУРКОВ, помощник Президента РФ

...Чтобы понять, как будет развиваться демократия в России, какая ее модификация применима здесь на практике, нужно определить архетипические, неотменяемые свойства русской политической культуры. Политическая же культура—это одно из проявлений культуры как таковой, в широком и высоком смысле. Стереотипы современной политики воспроизводятся с уникальной матрицы национального образа жизни, характера, мировоззрения.

Попробуем уяснить, какова эта матрица. Какой форме сознания соответствует? Какой способ узнавания и преобразования мира задает?

Короче, что есть русская культура?

... В нашей мыслительной и культурной практике синтез преобладает над анализом, идеализм над прагматизмом, образность над логикой, интуиция над рассудком, общее над частным. Что, понятно, не означает, будто у русских нет аналитических способностей, а у народов западной Европы—интуиции. Еще как есть. Тут вопрос соотношения. Русского, скажем так, в большей степени интересует время, а чертеж будильника—в меньшей.

Сильная центральная власть на протяжении веков собирала, скрепляла и развивала огромную страну, широко разместившуюся в пространстве и времени. Проводила все значимые реформы.

При этом холистическое мировосприятие позволяло русской культуре гибко взаимодействовать с культурами других российских народов. Интегрировать, не разрушая, все многообразие их обычаев, сохранять целостность пестрого общего мира.

На практике: стягиванию российских земель к центру, в единое целое государство служит процедура наделения губернаторов полномочиями по представлению Президента. А также административный аппарат федеральных округов. И централистские тенденции межбюджетных отношений. Собираение разрозненных политически активных групп в крупные, общенационального калибра партии обеспечивается пропорциональной моделью парламентских выборов. Запрет создавать политпартии по региональному, либо религиозному, профессиональному признакам подчеркивает, что партии должны не только разделять избирателей по взглядам и убеждениям, но и объединять их вокруг общих ценностей. Избирателей — разделять, народ — соединять. Таким мог бы быть принцип российской многопартийности.

На практике: и понятие центра власти, и методы централизации, и способы сохранения целостности меняются во времени. Они становятся нелинейными, смягчаются, усложняются. Но в некоторых политических культурах роль центральной власти неизменно велика. Например, во Франции. А в США прямо культ института президента. Главу государства там часто называют самым могущественным человеком на планете. Попасть же на высшие государственные посты, не связав карьеру с одной из двух вечно правящих партий, образующих непроби-

ваемую политическую дуополию федерального центра, просто невозможно. Свободное общество, кажется, заинтересовано в сильной и устойчивой центральной власти.

Несколько слов о русском идеализме. Идеализм — главное, что до сих пор поднимало и, видимо, будет поднимать русский мир на новые орбиты развития. Если же идеальная цель теряется из виду, общественная деятельность замедляется и расстраивается.

Русскому взгляду свойственна романтическая, поэтическая, я бы сказал, дальнорочность. Что рядом — покосившийся забор, дурная дорога, сор в ближайшей подворотне — видится ему смутно. Зато светлая даль, миражи на горизонте известны в подробностях. Уделяя больше внимания желаемому, чем действительному, такой взгляд на вещи приводит к поискам единственной правды, высшей справедливости. Создает ощущение если не исключительности, то особенности, непохожести на соседей. Эта непохожесть и тяготит, и необыкновенно вдохновляет.

Идеализму свойственно желание обращаться в свою веру, мессианство. Третий Рим и Третий Интернационал были мессианскими концепциями. Без сомнения, мессианство нам сейчас ни к чему, но миссия российской нации требует уточнения. Без утверждения роли России среди других стран (скромной или заметной — вопрос обсуждаемый), без понимания, кто мы и зачем мы здесь, национальная жизнь будет неполноценной.

На практике: в мае этого года ФОМ провел социологический опрос, результаты которого показывают, что уровень общественного доверия к политическим институтам прямо определяется степенью их персонификации и близости к верховному центру.

Так, непосредственно самому этому центру, Президенту, в большей мере, чем прочим властям, доверяют 55% опрошенных.

Предпочитают рассчитывать на руководителя области, края, республики—20%. И лишь 8% связывают свои надежды на лучшее с главой своего города, поселка.

У почти обезличенных судов положение поскромнее. При этом Верховному и Конституционному судам доверяют 10–11%, в пять раз больше, чем районным и областным с их 2%. Наименьшим доверием в сравнении с другими властями располагает представительная власть, образ которой размыт. Но и здесь Федеральное Собрание (4%) оказывается значительно популярнее местных парламентов (2%).

Выходит, чем выше и дальше власть, тем больше ей доверяют. На власть по соседству, близкую и доступную, наши люди особенно не надеются. Возможно оттого, что знают ее лучше, что она прозаична. Наоборот, власть высокая и далекая легко мифологизируется, идеализируется, персонифицируется и вписывается в моноцентрическую модель политического пространства.

Если централизация, персонификация и идеализация признаются нами в качестве трех особенностей политической культуры, давайте посмотрим, как нам, таким особенным, с этим всем жить.

Вот и наша политическая культура не только дает обществу средства от стрессов и для решения проблем, но и сама может порождать стрессы и проблемы. Ее свойства, в том числе и отмеченные выше, не хорошие и не плохие. Они просто такие, какие есть. Полезными и вредными делаем их мы сами. Все—яд, и все—лекарство. Вопрос в дозе и уместности применения. Например, централизация может принести огромную пользу, о чем уже говорилось. А централизация чрезмерная, несвоевременная, не отвечающая необходимости—привести к деформации системы власти, ослаблению частной инициативы, а с ней и основ парламентаризма и самоуправления.

Минимальный, 2–4% рейтинг доверия к представительной власти, обнаруженный ФОМ, предсказан Гоголем полтора века назад: «Вообще, мы как-то не создались для представительных заседаний... Во всех наших собраниях... если в них нет одной главы, управляющей всем, присутствует препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это; видно уж народ такой, только и удаются те совещания, которые составляются для того, чтобы покутить или пообедать...».

Отсюда и избыточная персонификация коллегиальных структур. Сильные личности часто компенсируют слабую эффективность коллективов, дефицит взаимного доверия и самоорганизации. Ведь русский сверхколлективизм, по-моему, вымысел чистой воды.

На практике: если кто из вас пытался хоть раз уговорить соседей общими средствами установить в подъезде домофон, тот знает, как дорого дается минимальная коллективизация. А как у нас водят машины? Поперек дороги, по встречной, в пьяном виде, бессмысленно и беспощадно. Коллективист так не водит. Он уважает других членов коллектива.

Созерцательность наша, порой принимаемая за лень, ведет к тому, что нюансы, подробности, частности, нудные расчеты и механизмы реализации не анализируются. Будущее должно наступить одним махом и в полном объеме, а как его достичь— это детали, что голову забивать, все фигня по сравнению с мировой революцией, как выражались идеалистически настроенные головорезы.

Вообще, присущий нашей политической культуре примат целого, общего над частным, идеального над прагматическим, практическим приводил не однажды в нашей истории к пренебрежению такими «частностями» и «подробностями», как жизнь человека, его свобода, достоинство и права. А охранительные

и патерналистские настроения, чрезмерно усиливаясь, подавляли активную общественную среду, приводя к дисфункции институтов развития.

Возможно, поэтому многим размашистым либералам сегодня кажется, что русская политическая культура — архаичный продукт невежества и отсталости. Что все без исключения наши политические привычки и обычаи отягощают жизненный уклад и тормозят прогресс.

Даже докатившись до такой точки зрения, а до нее многие докатились, следует продолжить разговор. Следует ответить, является ли в таком случае русская политическая культура тем, что непременно нужно преодолеть и забыть?

Кажется, Руссо задним числом упрекал Петра Великого в том, что он пытался сделать русских голландцами или немцами вместо того, чтобы дать им быть русскими и развиваться в этом качестве. Известно, что Павел I хотел наделать из русских солдат пруссаков. Большевики перерабатывали сотню этносов в советскую общность. Перестройщики в невиданную расу общечеловеков. Реформаторы 90-х к словам «русский» и «национальный» относились настороженно.

Все эти деятели, великие и не очень, не смогли, как ни старались, преодолеть «национальное, слишком национальное». Хотя бы потому, что сами были частью России. Их реформы удавались лишь в той мере, в какой опознавались как свои, как приемлемые российской культурой. Все несовместимое с жизнью нашей культуры, задевающее ее фундамент всякий раз болезненно отторгалось.

У каждого из нас и у нас вместе — множество вариантов будущего. Но это множество не бесконечно. Оно ограничено генетической формулой национальной культуры.

Негативная информация о России всегда легче усваивалась в западной Европе, чем позитивная. Недоверие веками со-

ставляло почву отношений. За злободневными придирадками, поучениями и причитаниями скрыты фундаментальные недо-разумения, конфликт архетипов, культурный диссонанс. Давнее соседство и смутно ощущаемое дальней родство по религиоз-ной линии только усиливают раздражение. Разногласия между близкими людьми, как известно, эмоционально насыщенной, чем между малознакомыми и безразличными друг другу.

Преодолимы ли культурные противоречия? Полностью — вряд ли, но сближение культур возможно и необходимо. Россия заинтересована в таком сближении, поскольку без доступа к интеллектуальным ресурсам Запада создание инновационной экономики кажется невозможным. Сближение культур не озна-чает их унификации и отрицания их многообразия. Кому нужен мир, в котором все люди, нации и демократии на одно лицо? Это была бы вещь потоскливее коммунизма.

Да, демократия в России несовершенна. А где совершенна? Да, много чего ей не хватает, и есть чему учиться у Запада. И модерности, и гуманности, и спонтанности.

Самоуправление у нас вяловатое. Вертикаль неказистая. Общество какое-то малогражданское. И вот еще коррупция ка-кая-то неизящная у нас, типа «украл, выпил, в тюрьму». Просто-ватая, не такая утонченная, как в более продвинутых странах.

Даже если так, это наши проблемы. И никто их за нас не ре-шит.

Каждому народу его культура предоставляет уникальный код доступа к будущему. Ответы на вопросы, как пройти в но-вый век и как там быть, нужно искать в собственном культур-ном пространстве. А если что заимствовать извне, то идеи, а не штампы, живые мысли, а не дохлые схемы. То, что питает и обогащает нашу культуру, а не засоряет ее. Чтобы стало слад-ко, нужно съесть конфету, а не фантик. Чтобы лучше усвоить свободу, нужно извлечь суть и пользу из зарубежного опыта,

а не жевать с трагическим лицом наемного правозащитника фантики и ценники импортной демократии.

За пределами собственной культуры будущего у России нет. Российская демократия не обноска с чужого плеча. Формирующая демократию воля к свободе и справедливости вырабатывается и закрепляется как природное свойство национального характера.

В одном официальном американском документе есть такой девиз: наши цели идеалистичны, средства реалистичны. Разница потенциалов действительного и желательного, реального и идеального, по-моему, как раз и создает то напряжение человеческих сил, в результате которого возникают и развиваются культура и цивилизация.

Чтобы сделать наши планы более интересными, амбициозными и реалистичными нужен новый метод. Нужно, чтобы будущее влияло на актуальную политику сильнее, чем прошлое. Нужно диагностировать и корректировать существующее положение с позиций предстоящего. Назовем такой способ оценки и постановки задач «взгляд из утопии», из желательного будущего.

Если хотим, то давайте взглянем на себя из наилучшего будущего. Из глобально значимой национальной экономики интеллектуальных услуг. Из процветающей суверенной демократии.

Что мы увидим? Увидим бурно ветвящуюся бюрократию, прилипшую к нефтяной трубе. Увидим, что на руководящих позициях в нашем обществе и в частном секторе, и в государственном критически мало людей, настроенных на «третью волну». Что сырье ценится дороже знаний. Что культура и образование еще не стали основой экономики и политики. И по-прежнему считаются нерентабельной «социалкой», периферией сырьевого комплекса. И нет понимания, что не суще-

ствуют отдельно, сами по себе политические, экономические, военные преимущества. Они всегда часть и следствие культурного превосходства.

Давайте посмотрим на мировое хозяйство как на большой завод. На этом заводе есть цеха первичной переработки, где в пыли и в чаду трудятся рабочие низшей квалификации. Есть сборочный цех, где люди в белых халатах, рабочая аристократия, производят готовые изделия. Есть бухгалтерия, инженерное бюро, где работают специалисты с высшим образованием. А есть дирекция и правление. Там заседают самые умные.

Где же наше с вами место на этом международном предприятии? Маловероятно, чтобы кому-то в мире пришлось в голову обратиться к нам за новой технологией, качественными финансовыми услугами, эффективным управлением, кассовым фильмом, модной одеждой. На нашу страну выходят, чтобы купить нефть, газ, пресловутый лес-кругляк. Стало быть, в мировом разделении труда мы не инженеры, не банкиры, не дизайнеры, не продюсеры и управляющие. Мы — бурильщики, шахтеры, лесорубы. То есть довольно чумазые ребята с рабочих окраин. Конечно, всякий труд почетен, но все же — почему так? Мы ведь считаем себя высокообразованным и высококультурным народом. Что же мы, такие образованные, с нашим-то красным дипломом — кормим комаров на нефтеносном болоте. Такие культурные и одаренные, соплеменники Николая Гоголя, Игоря Стравинского, Ильи Пригожина — потеем на карьере и в забое. Может, мы не доросли до высоты нашей национальной культуры. Может, не все в порядке с образованием.

В общем, из будущего можно увидеть в современности много чего печального. Но также и обнадеживающего.

Если автор концепции постиндустриального общества Дэниэл Белл недавно предсказал, что по достижении внутренней

стабильности Россия «готова вступить в постиндустриальный век раньше, чем любая другая страна», то почему нам с ним не согласиться? Мы увидим, что это реально. Мы можем и обязаны стать «белыми воротничками» в мировом разделении труда, занять важное место в глобальной иерархии.

Мы увидим, что для этого нужно: а) прагматично следовать идеалистическим целям; учиться расчетливости и соразмерности действий, не теряя смелости мыслей; б) выполняя напутствие Президента о повышении эффективности использования природных ресурсов, помнить, что самый ценный природный ресурс нации — интеллект. Надо заниматься тем, что у людей в головах, что дороже нефти, газа и леса-кругляка. Культура, наука, образование должны быть признаны ведущей производительной силой; умные, здоровые, свободные люди — главным достоянием страны; в) спроектировать политический курс таким образом, чтобы правящее большинство в собственных интересах способствовало росту влияния и активности передового меньшинства. А именно: предпринимателей, ученых, инженеров, гуманитариев, деятелей искусств, управляющих, нового поколения политиков, т. е. творческого сословия страны; г) не забыть, что недостаточно просто финансировать культуру и науку, надо научиться применять их достижения на практике. Наша страна должна стать привлекательной для новаторов, рентабельной для научной работы; д) выстроить стабильные связи с ведущими экономиками мира по сотрудничеству в инновационной сфере. Стабильные не значит простые. Перестройка и период первых реформ показали, что односторонние уступки в международных делах имеют нулевую капитализацию, даже отрицательную. Они не только не ведут к встречному смягчению позиций, но напротив, провоцируют еще большее давление и желание еще больших уступок.

И все же: хотя цена конструктивных отношений не должна быть сколь угодно высокой, но она есть. За все надо платить. Нам нужны иностранные специалисты на предприятиях, иностранные ученые и преподаватели в структурах образования и науки. Нужна и промышленная кооперация в интеллектуальной сфере.

Нужно выйти из ступора, преодолеть шок и оторопь, охватившие наше общество при столкновении с собственным будущим. Мы похожи на все тех же парней с рабочих окраин, внезапно оказавшихся в деловом квартале города. Шум, огни, беготня, кругом ловкачи и умники, торговцы и ростовщики. А мы, как лохи, пятимся и путаемся, разинув рты и выпучив глаза. Обороняемся — только бы не надули. Надуют обязательно, если и дальше будем пятиться и разевать рот.

Нужно привыкнуть к жизни в сложном, открытом, неустойчивом, быстром мире. В котором, если и есть равновесие, то динамическое. Если есть порядок, то подвижный и гибкий.

Консолидация, централизация власти была необходима для сохранения суверенного государства и его разворота от олигархии к демократии. Но уже сегодня, и тем более завтра, она может быть оправдана лишь в той степени, в какой служит целям перехода России на следующую ступень, на качественно новый уровень цивилизации.

*Из лекции «Русская политическая культура.
Взгляд из утопии».*

Еремин Виталий Аркадьевич

ГРАЖДАНИН ГОРОДА

Авторская редакция

Корректор *Белянцева И.*

Верстка *Кузьмин А.*

Подписано в печать 15.03.2017. Формат 70x108/32
Объем 5,25 ф.п.л. Бумага офсетная. Печать офсетная

Контактные данные автора
viteriomin@rambler.ru